

Мрачный Жнец

Автор:

[Терри Пратчетт](#)

Мрачный Жнец

Терри Пратчетт

Плоский мирСмерть #2

Смерть умер – да здравствует Смерть! Вернее, не совсем умер, но стал смертным, и время в его песочных часах-жизнеизмерителе стремительно утекает. Но только представьте, что произойдет: старого Смерти уже нет, а новый еще не появился. Бардак? Бардак. У вас назначена встреча со Смертью, а Мрачный Жнец вдруг возьми и не явись. Приходится душе возвращаться в прежнее тело, хоть оно уже и мертво...

Терри Пратчетт

Мрачный Жнец

Народные танцы широко распространены во всех обитаемых мирах всей множественной вселенной.

Они танцуются под синим небом, чтобы отпраздновать оживление почвы, и под холодными звездами, потому что наступила весна и, если повезет, углекислый газ снова растает. Настоятельную необходимость в танцах ощущают как глубоководные существа, никогда не видевшие солнечного света, так и городские жители, чья единственная связь с природой заключается в том, что когда-то они переехали на своем «Вольво» овцу.

Народные танцы исполняются бородатыми математиками, невинно веселящимися под фальшивые звуки аккордеона, и безжалостными танцовщиками-ниндзя из Нью-Анка, которые при помощи простого носового платка и колокольчика способны творить самые невообразимые, ужасные вещи.

Но везде эти танцы танцуются неправильно.

За исключением, конечно, Плоского мира, который действительно является плоским и покоится на спинах четырех слонов, путешествующих по космосу на панцире Великого А'Туина, всемирной черепахи.

Однако даже здесь настоящие народные танцы можно увидеть лишь в маленькой деревушке, затерявшейся высоко в Овцепикских горах. Строго хранимая и крайне простая тайна народного танца передается из поколения в поколение.

В первый день весны в Овцепиках происходят народные гулянья. Привязав к коленям колокольчики и размахивая полами рубах, местные жители исполняют знаменитый народный танец. Многие люди приходят посмотреть на это зрелище. После танца жаривают быка, и весь праздник считается неплохим семейным времяпрепровождением.

Но секрет заключается вовсе не в этом.

Есть еще один, тайный танец.

Который будет исполнен спустя какое-то время.

Что-то тикало почти как часы. Впрочем, в небе действительно висели часы, мерно отсчитывая свежееотчеканенные секунды.

По крайней мере, это выглядело как часы, хотя на самом деле представляло собой их прямую противоположность. На этом циферблате большая стрелка совершала только один оборот.

Под мрачным небом простирается равнина. Невысокие волны-барханы катятся по ней – эти «волны», если смотреть издали, напоминают нечто другое, однако, увидев их издали, вы, несомненно, очень обрадуетесь тому, что предусмотрительно решили не подходить ближе.

Три серые фигуры парят над равниной. Их сущность невозможно описать обычным языком. Некоторые люди назвали бы их херувимами, но никакой розовощекой здесь и не пахло. На самом деле эти существа следили за тем, чтобы сила тяжести работала, а время всегда было отделено от пространства. Можете назвать их ревизорами. Ревизорами действительности.

Они разговаривали между собой – но молча, не произнося ни слова. Речь им была ни к чему. Они просто изменяли действительность так, словно произносили слова.

– Но такого никогда не случилось. И вообще, получится ли? – сказал один.

– Должно получиться. Есть личность. А всякой личности рано или поздно приходит конец. Только силы вечны, – сказал один.

В его тоне проскользнуло явное удовольствие.

– Кроме того... Возникли отклонения. Всякая личность неизменно порождает отклонения. Хорошо известный факт, – сказал один.

– Неужели он где-то плохо сработал? – сказал один.

– Такого не случилось, и на этом нам его не поймать, – сказал один.

– В том-то и дело. Ведь он – это он. Однако... Плохо то, что начала проявляться личность, а это нельзя запускать. Предположим, сила тяжести вдруг станет личностью. И начнет испытывать к людям нежные чувства – что тогда? – сказал один.

– То есть ее притянет к ним, их – к ней, ну и... – сказал один.

– Не смешно, – сказал один голосом, который мог показаться еще более холодным, если бы уже не находился на отметке абсолютного нуля.

– Извините. Я как-то неудачно пошутил, – сказал один.

– Кроме того, он стал сомневаться в своей работе, а такие мысли опасны, – сказал один.

– Возразить нечего, – сказал один.

– Значит, мы пришли к соглашению? – сказал один.

Один, который, казалось, о чем-то задумался, вдруг сказал:

– Минуту. Не вы ли только что использовали местоимение «я»? Может, и вы становитесь личностью?

– Кто? Мы? – виновато сказал один.

– Где личность, там всегда разлад, – сказал один.

– Да. Да. Как это верно, – сказал один.

– Мы вас прощаем, но впредь будьте осторожнее, – сказал один.

– Значит, мы пришли к соглашению? – сказал один.

Они посмотрели на лицо Азраила, проступающее на фоне неба. Впрочем, это лицо и было небом.

Азраил медленно кивнул.

– Отлично. И где все происходит? – спросил один.

– Это Плоский мир. Он путешествует по космосу на спине гигантской черепахи, – сказал один.

– А, один из этих. Лично я их терпеть не могу, – сказал один.

– Ну вот опять. Вы снова сказали «я», – сказал один.

– Нет! Нет! Я никогда не говорил «я»... вот сволочь!

Он вспыхнул и сгорел – так улечивается небольшое облачко пара, мгновенно и без остатка. Почти так же мгновенно на его месте появился другой, как две капли воды походящий на своего предшественника.

– Да послужит это уроком. Стать личностью значит обрести конец. А теперь... пойдём, – сказал один.

Азраил проводил их взглядом.

Крайне трудно постичь мысли существа настолько огромного, что в реальном пространстве его длина может быть измерена только световыми годами. Но он развернул свое немисливо гигантское тело и глазами, в которых бесследно терялись звезды, отыскал среди мириадом других миров тот, что своим видом напоминал тарелку.

И который покоился на спинах слонов. Стоящих на панцире черепахи. Плоский мир – мир в себе и зеркало всех прочих миров.

Все это выглядело достаточно интересно. Азраилу было скучно, ведь его смена длилась вот уже миллиарды и миллиарды лет.

А в этой комнате будущее перетекает в прошлое, протискиваясь сквозь узкий ободок настоящего.

Стены уставлены жизнеизмерителями. Не песочными часами, нет, хотя по форме они похожи. И не часами для варки яиц, которые вы можете купить в любой сувенирной лавке, – обычно они прикреплены к дощечке с названием вашего курорта, и надпись эту делал человек, который слыхом не слыхивал о чувстве прекрасного.

И вовсе не песок течет внутри жизнеизмерителей. Это секунды, превращающие «быть может» в «уже было».

На каждом жизнеизмерителе стоит имя.

Комнату заполняют шорохи живущих людей.

Представили картину? Замечательно.

А теперь добавьте к ней стук костей по камням. Этот стук приближается.

Темный силуэт скользит перед вашими глазами и идет дальше, вдоль бесконечных полок с шуршащими сосудами. Стук, стук. Вот часы, верхний сосуд которых почти опустел. Костяные пальцы протягиваются к ним. Снимают с полки. Еще один жизнеизмеритель. Взять с полки. И еще, еще. Взять, взять.

Это все работа на один день. Вернее, она была бы рассчитана на один день, если бы дни здесь существовали.

Стук, стук, темная тень терпеливо следует вдоль полок.

И вдруг в нерешительности останавливается.

Станный маленький жизнеизмеритель. Размером не больше наручных часов. Золотой.

Но вчера его здесь не было – вернее, не было бы, если бы здесь существовала такая штука, как «вчера».

Костяные пальцы смыкаются вокруг жизнеизмерителя и подносят к свету.

Там небольшими прописными буквами написано имя.

И это имя – «СМЕРТЬ».

Смерть поставил жизнеизмеритель на место, но потом снова взял его в руку. Внутри колбочек струились песчинки времени. Смерть перевернул измеритель – так, на всякий случай, посмотреть, что будет. Песок продолжал течь, только теперь он падал снизу вверх. Впрочем, иначе и быть не могло.

Все это означало только одно. Завтра не будет – пусть даже такой штуки, как «завтра», здесь никогда не существовало.

Смерть почувствовал за спиной движение воздуха.

Он медленно повернулся.

– ПОЧЕМУ? – спросил он у колышущейся в полумраке фигуры.

Фигура объяснила.

– НО ЭТО... НЕПРАВИЛЬНО.

Фигура сказала, что он ошибается, все идет как идет.

Ни единый мускул не дрогнул на лице Смерти – просто потому, что мускулов там не было.

– Я ПОДАМ АПЕЛЛЯЦИЮ.

Фигура сказала, что апелляции не принимаются, уж кто-то, а он должен это знать.

Смерть немного поразмыслил.

– Я ВСЕГДА ЧЕСТНО ИСПОЛНЯЛ СВОИ ОБЯЗАННОСТИ. ТАК, КАК СЧИТАЛ
НУЖНЫМ, – наконец промолвил он.

Фигура подлетела ближе. Она немного напоминала монаха в серой рясе с капюшоном.

- Мы знаем, - сказала она. - И поэтому разрешаем тебе оставить лошадь.

Солнце клонилось к горизонту.

Самые недолговечные создания Плоского мира - это мухи-однодневки, они живут не больше двадцати четырех часов. Как раз сейчас две самые старые мухи бесцельно кружили над ручьем с форелью, делясь воспоминаниями с более молодыми мушками, что родились ближе к вечеру.

- Да, - мечтательно произнесла одна из них, - такого солнца, как раньше, уже не увидишь.

- Вы совершенно правы, - подтвердила вторая муха. - Вот раньше солнце было настоящим. Оно было желтым, а не каким-то там красным, как сейчас.

- И оно было выше.

- Именно так, именно так.

- А личинки и куколки выказывали к старшим куда больше уважения.

- Именно так, именно так, - горячо подтвердила другая муха-однодневка.

- Это все от неуважения. Думаю, если бы нынешние мухи вели себя как подобает, солнце осталось бы прежним.

Молодые мухи-однодневки вежливо слушали старших.

- Помню времена, когда вокруг, насколько хватало глаз, простирались поля, поля... - мечтательно промолвила старая муха.

Молодые мухи огляделись.

- Но ведь поля никуда не делись, - осмелилась возразить одна, выдержав вежливую паузу.

- Раньше поля были куда лучше, - сварливо парировала старая муха.

- Вот-вот, - поддержала ее ровесница. - А еще корова, корова была.

- А и верно! Верно ведь! Я помню эту корову! Стояла здесь целых... целых сорок, нет, пятьдесят минут! Пегая такая, если память не изменяет.

- Да, нынче таких коров уже не увидишь.

- Нынче вообще коров не увидишь.

- А что такое корова? - поинтересовалась одна из молодых мух.

- Вот, вот! - торжествующе воскликнула старая муха. - Вот они, современные однодневки. - Она вдруг замолчала. - Кстати, чем мы занимались, прежде чем зашел разговор о солнце?

- Бесцельно кружили над водой, - попыталась подсказать молодая муха.

В принципе, так оно и было.

- А перед этим?

- Э-э... Вы рассказывали нам о Великой Форели.

- Да, верно. Форель. Понимаете, если бы вы были хорошими однодневками и правильно кружили над водой...

- И с большим уважением относились к старшим, более опытным мухам... - подхватила вторая.

- Да, и с большим уважением относились бы к старшим мухам, тогда Великая Форель, быть может...

Плюх.

Плюх.

- Да? - нетерпеливо спросила молодая муха.

Ответа не последовало.

- Великая Форель - что? - с беспокойством переспросила еще одна молодая муха.

Они посмотрели на расходящиеся по воде концентрические круги.

- Это святой знак! - воскликнула молодая муха. - Я помню, мне рассказывали о нем! Великий Круг на воде. Это символ Великой Форели!

Самая старая из оставшихся мух-однодневок задумчиво взглянула на воду. Она начинала понимать, что, будучи самой старшей, получила право летать как можно ближе к поверхности воды.

- Говорят, - сказала муха-однодневка, летавшая выше всех, - что, когда Великая Форель съедает тебя, ты попадаешь в страну, изобилующую... изобилующую... - Мухи-однодневки ничего не едят, потому молодая мушка пребывала в полной растерянности. - Страну, изобилующую водой, - неловко закончила она.

- Очень интересно, - произнесла старшая муха.

- Там, наверное, так здорово... - сказала самая молодая мушка.

- Да? Почему?

- Потому что никто не хочет оттуда возвращаться.

Ну а самые древние обитатели Плоского мира - это знаменитые Считающие Сосны, которые растут высоко-высоко в Овцепикских горах, на самой границе вечных снегов.

Считающие Сосны являются одним из немногих известных примеров одолженной эволюции.

Большинство видов проходят собственный путь эволюции, каковой назначается им самой природой. Такой путь является наиболее естественным и органичным. Он пребывает в гармонии с загадочными циклами космоса, которые искренне уверены: ничто не может сравниться с миллионами лет, полных разочарований и ошибок, в конце которых вид обретает моральные силы, а в некоторых случаях даже хребет.

Возможно, с точки зрения развития видов такой долгий путь оправдан, но с точки зрения развития отдельной особи... Ведь процесс может завершиться созданием обычной свиньи. Жило-было мелкое розовенькое пресмыкающееся, поедало себе корни, надеялось на лучшее – а получилась свинья.

В общем, Считающие Сосны постарались избежать всех этих трудностей, предоставив другим растениям эволюционировать вместо них. Семена сосны, оказавшись где-либо на поверхности Диска, немедленно заимствовали у местных растений самый эффективный генетический код и вырастали в то, что наиболее подходит окружающей почве и климату. Местные деревья не успевали и веткой качнуть, как оказывались вытесненными на самые неплодородные земли.

А еще Считающие Сосны умеют считать, чем они и прославились.

Смутно понимая, что люди определяют возраст дерева по годичным кольцам, Считающие Сосны решили, что именно поэтому люди и рубят деревья.

Придя к такому выводу, Считающие Сосны за одну ночь изменили свой генетический код так, что примерно на уровне человеческих глаз кора стала образовывать светловатые цифры – точный возраст дерева.

И за какой-то год практически все сосны были уничтожены предприятиями по производству декоративных номерных табличек; лишь немногие особи сохранились, и то в самых труднодоступных местах.

Шесть Считающих Сосен слушали самую старую сосну в своей группе; цифры на грубой коре говорили о том, что ей тридцать одна тысяча семьсот тридцать

четыре года. Разговор занял семнадцать лет. Нижеследующая запись является ускоренной версией той беседы.

- О, я помню времена, когда полей вообще не было.

Сосны обозрели тысячемильный пейзаж. Небо мерцало, как плохо поставленный спецэффект в фильме о путешествиях во времени. Появился снег, задержался на мгновение и тут же растаял.

- А что было? - качнулась соседняя сосна.

- Лед. Если это можно назвать льдом. Тогда у нас были настоящие ледники. Не такие, как нынче: задержатся на один сезон, и нет их. О да, те ледники существовали веками.

- Что же с ними случилось?

- Исчезли.

- Куда?

- Куда все исчезает. Все куда-то торопится.

- Ого. Это было сурово.

- Что именно?

- Прошедшая зима.

- И ты называешь это зимой? Помню, когда я была еще побегом, вот были зимы...

И тут дерево исчезло.

После короткой паузы, длившейся всего пару лет, одна из сосен проронила:

– Вот это да! Она же исчезла! Взяла и исчезла! Только что была рядом и вдруг исчезла!

Если бы другие сосны были людьми, они бы принялись неловко переминаться с ноги на ногу.

– Так бывает, малыш, – терпеливо проговорила одна из них. – Эта сосна ушла в Лучшее Место[1 - В данном случае таких мест было целых три. Ворота домов номер 31, номер 7 и номер 34, что по улице Вязов в Анк-Морпорке.]. Жаль, хорошее было дерево.

Но молодая сосна, которой всего-то было пять тысяч сто одиннадцать лет, никак не желала успокаиваться.

– А что это такое – Лучшее Место? – спросила она.

– Точно не известно, – ответила вторая сосна и вздрогнула. Но тут как раз налетела буря, так что никто ничего не заметил. – Мы думаем, что оно как-то связано с... опилками.

События, длящиеся менее одного дня, сосны не воспринимают, а потому они не слышали стука топоров.

Ветром Сдумс, самый старый волшебник во всем Незримом Университете, славящемся своими волшебниками, магией и сытными обедами, тоже должен был умереть. Совсем скоро.

И он это понимал – по-своему, по-старчески.

«Конечно, – размышлял он, направляя кресло-каталку к кабинету, что находился на первом этаже, – все рано или поздно умирают, даже самый простой человек понимает это. Никто не знает, где он был до того, как родился, но, родившись, почти сразу понимает, что прибыл в эту жизнь с уже прокомпостированным обратным билетом».

Волшебники действительно знают. Разумеется, есть и неожиданные смерти, связанные с убийствами, с ножами в спине, но смерть, приходящую потому, что жизнь просто-напросто закончилась... в общем, такого рода смерть волшебники всегда чувствуют загодя. Тебе является предчувствие, что нужно срочно вернуть в библиотеку книги, убедиться в том, что самый лучший костюм выглажен, и занять у друзей как можно больше денег.

Сдумсу исполнилось сто тридцать лет, и он вдруг осознал, что большую часть своей жизни был стариком. На самом деле это нечестно.

На прошлой неделе он упомянул об этом в Магическом зале, но намек никто не понял. А потому никто ничего ему не ответил. И сегодня за обедом с ним почти никто не разговаривал. Даже его так называемые старые друзья. Разве Сдумс просил у них в долг? Ничего подобного, и не пытался.

Но все обстояло так, словно все вдруг взяли и забыли о твоём дне рождения. Только ещё хуже.

Что ж, придется умирать в одиночестве. Всем наплевать на старика Сдумса.

Он открыл дверь колесом кресла и попытался нащупать на стоящем рядом столе трутницу.

Все изменилось, все. Трутницами сейчас почти никто не пользуется. Люди покупают вонючие желтые спички, которые делают алхимики. Этого Сдумс не одобрял. Огонь – серьёзная штука. Нельзя просто так зажигать его, не выказывая никакого уважения. Нынче люди вечно куда-то торопятся... да и огонь уже не такой, как прежде. Да, да, в старые времена огонь был теплее. А сейчас он почти не греет, если прямо в камин не сядешь. Или все дело в дровах? Дрова тоже не те, не из того дерева. Все не так. Все стало каким-то невесомым, расплывчатым. Настоящая жизнь куда-то исчезла. И дни стали короче. Гм-м. Точно, с днями тоже что-то произошло. Они стали короче. Гм-м. Очень странно. Отдельный день, он все длится и длится, целую вечность, но дни в целом проносятся мимо с дикой скоростью, словно куда-то опаздывают. От стотридцатилетнего волшебника никому ничего не было нужно, и Сдумс взял в привычку приходить в столовую за два часа до положенного срока, чтобы хоть как-то скоротать время.

Бесконечные дни, быстро утекающие прочь. Лишенные всякого смысла. Гм-м. Но не стоит забывать: здравый смысл – он тоже не тот, что прежде.

Университетом управляют какие-то мальчишки. В прежние времена им управляли настоящие волшебники, огромные мужчины, сложением похожие на баржи; и думать нельзя было посмотреть на них непочтительно. А потом они куда-то подевались, и Сдумсом стали руководить сопляки, у которых даже зубы не все выпали. Наподобие этого Чудакулли. Сдумс хорошо его помнил. Тощий паренек, лопухий, никогда не умел правильно вытирать нос, первую ночь в университетском общежитии плакал и звал мамку. Вечно затевал что-то недоброе. Кто-то наемдни убеждал Сдумса, что Чудакулли стал аркканцлером. Гм-м. Видать, совсем сумасшедшим его считают.

Где же эта чертова трутница? Пальцы... в старые времена и пальцы были нормальными...

Кто-то сбросил с лампы покрывало. В руке Сдумса очутился кубок.

– Сюрприз!

В прихожей у Смерти стояли часы с маятником в виде лезвия, но без стрелок, ибо в доме Смерти нет другого времени, кроме настоящего (есть, конечно, время перед настоящим, но оно тоже настоящее, только чуточку более старое).

Маятник в виде лезвия производил неизгладимое впечатление. Если бы Эдгар Аллан По увидел его, то бросил бы свое писательское ремесло и начал жизнь сначала – в качестве комика в третьеразрядном цирке. С едва слышным шуршанием этот маятник отрезал от бекона вечности тонкие ломтики времени.

Смерть прошел мимо часов и нырнул в мрачный полумрак кабинета. Слуга Альберт ждал его с полотенцем и щетками.

– Доброе утро, хозяин.

Смерть устало опустился в огромное кресло. Альберт набросил полотенце на его костлявые плечи.

– Прекрасный денек сегодня. Впрочем, как всегда, – заметил он, пытаясь завязать светскую беседу.

Смерть ничего не сказал.

Альберт взмахнул полировочной тряпочкой и откинул капюшон плаща Смерти.

– АЛЬБЕРТ.

– Хозяин?

Смерть вытащил крошечный золотой жизнеизмеритель:

– ВИДИШЬ ЭТО?

– Да, хозяин. Очень красивый. В жизни ничего подобного не видел. Это чей?

– МОЙ.

Альберт скосил взгляд на край стола Смерти, туда, где стоял другой жизнеизмеритель, в черном корпусе. В том жизнеизмерителе песка вообще не было.

– Но, хозяин, я думал, вот он, твой измеритель.

– БЫЛ. ТЕПЕРЬ ЭТОТ. ПОДАРОК ПЕРЕД УХОДОМ НА ПЕНСИЮ. ОТ САМОГО АЗРАИЛА.

Альберт присмотрелся к прибору в руках Смерти.

– Хозяин, но песок... Он течет.

– ИМЕННО.

– Это значит... то есть...

- ЭТО ЗНАЧИТ, АЛЬБЕРТ, ЧТО В ОДИН ИЗ ДНЕЙ ПЕСОК КОНЧИТСЯ.

- Знаю, хозяин... но... ты... Я полагал, Время - это то, что относится ко всем остальным. Только не к тебе, хозяин. - В конце фразы тон Альберта стал почти умоляющим.

Смерть отбросил полотенце и встал:

- ПОЙДЕМ.

- Но, хозяин, ты же Смерть. - На полусогнутых ногах Альберт трусил за высокой фигурой, шагавшей по коридору к конюшне. - Или ты так шутишь? - добавил он с надеждой.

- РЕПУТАЦИЯ ШУТНИКА МНЕ НЕ ПРИСУЩА.

- Конечно, нет, я вовсе не хотел обидеть тебя, хозяин. Но послушай, ты ведь не можешь умереть, потому что ты и есть Смерть, и если ты случишься сам с собой, то уподобишься змее, которая укусила себя за хвост...

- ТЕМ НЕ МЕНЕЕ Я УМРУ. АПЕЛЛЯЦИЯ НЕВОЗМОЖНА.

- А что будет со мной? - Голос Альберта сверкал ужасом, подобно острой кромке ножа.

- ПОЯВИТСЯ НОВЫЙ СМЕРТЬ.

Альберт вытянулся:

- Вряд ли я уживусь с новым хозяином.

- ТОГДА ВОЗВРАЩАЙСЯ В МИР, Я ДАМ ТЕБЕ ДЕНЬГИ. ТЫ, АЛЬБЕРТ, БЫЛ ХОРОШИМ СЛУГОЙ.

- Но если я вернусь...

– ДА, – кивнул Смерть, – ТЫ УМРЕШЬ.

В полумраке конюшни бледная лошадь Смерти подняла голову от овса и приветственно заржала. Лошадь звали Бинки. То была настоящая лошадь. В прошлом Смерть пробовал использовать огненных коней и скелетов, но нашел их крайне непрактичными – в особенности огненных скакунов, которые имели привычку поджигать собственную подстилку, а потом с дурацким видом торчать посреди пожара, в то время как их хозяин тушил огонь.

Смерть снял с крючка седло и посмотрел на Альберта, который переживал острый приступ угрызений совести.

Тысячу лет назад, вместо того чтобы умереть, Альберт выбрал служение Смерти. На самом деле бессмертным он не был. Просто действительное время в царстве Смерти было запрещено. Существовало только постоянно изменяющееся «сейчас», которое длилось и длилось. Реального времени у Альберта оставалось всего два месяца, и он бережно хранил каждый свой день, словно драгоценные слитки золота.

– Я... – начал он. – То есть...

– ТЫ БОИШЬСЯ УМЕРЕТЬ?

– Дело вовсе не в том, что я не хочу... О нет, я всегда... Видишь ли, жизнь – это привычка, от которой так тяжело отказываться...

Смерть с интересом смотрел на Альберта – так, словно наблюдал за жуком, который упал на спину и не может перевернуться.

Наконец бормотание Альберта стихло.

– ПОНИМАЮ, – кивнул Смерть, снимая со стены уздечку Бинки.

– Но тебя это совсем не беспокоит! Ты действительно умрешь?

– ДА. ЭТО БУДЕТ ПРЕВОСХОДНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ.

- Правда? И ты совсем-совсем не боишься?

- Я НЕ УМЕЮ БОЯТЬСЯ.

- Могу научить, - предложил Альберт.

- НЕТ, ХОЧЕТСЯ НАУЧИТЬСЯ САМОМУ. НАКОНЕЦ-ТО У МЕНЯ ПОЯВИТСЯ СОБСТВЕННЫЙ ОПЫТ.

- Хозяин... А если ты уйдешь, откуда возьмется...

- НОВЫЙ СМЕРТЬ БУДЕТ РОЖДЕН УМАМИ ЖИВУЩИХ, АЛЬБЕРТ.

- О, - Альберт, казалось, испытал некоторое облегчение. - Значит, тебе неизвестно, как он будет выглядеть?

- НЕТ.

- Быть может, мне стоит сделать небольшую уборку, составить инвентарную ведомость и все такое прочее...

- НЕПЛОХАЯ МЫСЛЬ, - как можно вежливее ответил Смерть. - КОГДА Я ПОЗНАКОМЛЮСЬ С НОВЫМ СМЕРТЬЮ, ИСКРЕННЕ ПОРЕКОМЕНДУЮ ЕМУ ТЕБЯ.

- О? Стало быть, ты его увидишь?

- ДА. А СЕЙЧАС МНЕ ПОРА.

- Так скоро?

- КОНЕЧНО. НЕ ХОЧУ ТЕРЯТЬ ВРЕМЯ.

Смерть подтянул седло и с гордым видом сунул под крючковатый нос Альберта крошечные часы.

- ВИДИШЬ? У МЕНЯ ЕСТЬ ВРЕМЯ. НАКОНЕЦ-ТО У МЕНЯ ЕСТЬ ВРЕМЯ!

Альберт боязливо отступил.

– А теперь, когда оно у тебя появилось, что ты с ним будешь делать? – спросил он.

Смерть сел на лошадь.

– БУДУ ЕГО ТРАТИТЬ.

Вечеринка была в самом разгаре. Транспарант с надписью «Прощай наш Сдумс 130 лет ва славе» немного поник от стоящей в комнате жары. События дошли до той точки, когда из выпивки остался только пунш, а из закусок – подозрительный желтый соус и маисовые лепешки весьма сомнительного вида, но всем уже было наплевать. Волшебники общались с неестественной веселостью людей, видевших друг друга весь день и вынужденных видеть друг друга весь вечер.

Ветром Сдумс в смешной шляпе сидел на почетном месте с огромным бокалом рома в руке. Он был близок к тому, чтобы разрыдаться от нахлынувших чувств.

– Настоящая Прощальная вечеринка! – не переставая бормотал он. – Их не было с тех пор, как Нас Покинул Сатана Хоксол, – почему-то эти слова сами собой произносились с большой буквы. – А случилось это, гм-м, в год Угрожающей, гм-м, Морской Свины. Я уж думал, нынче и не умеют устраивать подобные вечеринки.

– Это библиотекарь, он разузнал все детали, – сказал казначей, указав на огромного орангутана, который пытался дуть в пищалку. – И даже сделал банановый соус. Надеюсь, кто-нибудь его скоро попробует.

Он наклонился.

– Еще картофельного салата? – спросил он нарочито громким голосом, которым обычно говорят со слабоумными и стариками.

Сдумс поднес трясущуюся ладонь к уху.

- Что?

- Еще! Салату! Сдумс?

- Нет, благодарю.

- Может, сосисок?

- Что?

- Сосисок!

- У меня от них ужасно пучит живот. - Сдумс подумал немного и взял пять штук.

- Слушай, - прокричал казначей, - а ты, случаем, не знаешь, когда все должно... ну, это?..

- Что?

- Когда?!

- В полдесятого, - ответил Сдумс невнятно, хотя и быстро.

- Чудесно, - кивнул казначей, - значит, вечер у тебя остается... э-э... свободным.

Сдумс принялся рыться в ужасных закромах кресла-каталки - кладбища старых подушек, зачитанных книг и древних недососанных леденцов. Наконец он отыскал там маленькую книжку в зеленой обложке и сунул ее в руки казначею.

Казначей перевернул ее. На обложке были накорябаны слова: «Ветром Сдумс Ево Днивник». Шкуркой бекона было заложено сегодняшнее число.

В графе «Что сделать» корявым почерком было выведено: «Умирать».

Казначей не удержался и перевернул страницу.

Да. На завтра в графе «Что сделать» было намечено: «Радится».

Взгляд казначея скользнул в сторону, на стоящий у стены небольшой столик. Несмотря на то что в комнате было полно народу, место рядом со столиком оставалось пустым, словно являлось чьей-то частной собственностью, куда никто не решался вторгаться.

Касаемо этого столика для Прощальных вечеринок существовали специальные инструкции. Скатерть должна быть черной с вышитыми на ней волшебными рунами, на столике должны стоять бокал вина и блюдо с лучшими закусками. После продолжительного обсуждения волшебники решили добавить к набору пару комиксов.

Вид у всех без исключения волшебников был выжидающий.

Казначей достал часы и открыл крышку.

Это были новомодные карманные часы со стрелками. Стрелки указывали на четверть десятого. Казначей потряс часы. Под цифрой 12 распахнулась крошечная дверка, из которой высунулась голова еще более крошечного демона.

– Эй, папаша, завязывай! – рявкнул бес. – Быстрее крутить педали не могу.

Казначей закрыл часы и в отчаянии огляделся. Волшебники ловко избегали приближаться к креслу Сдумса. Казначей понял, что вежливый разговор придется поддерживать ему. Он поразмыслил над возможными темами для беседы. Все они представляли определенные проблемы.

Выбраться из этой ситуации помог ему сам Ветром Сдумс.

– Честно говоря, я подумываю о том, чтобы вернуться женщиной, – заметил он.

Казначей несколько раз открыл и закрыл рот.

– Даже надеюсь на это, – продолжил Сдумс. – Думаю, будет очень весело.

Казначей в отчаянии перебрал свой достаточно ограниченный набор вежливых фраз, касающихся женщин, и наклонился к узловатому уху Сдумса.

– А не слишком ли это связано со стиркой? – наугад ляпнул он. – С заправкой постелей, со всякой там возней на кухне?..

– Ну, лично я намереваюсь вести несколько иную жизнь, – твердо заявил Сдумс.

Казначей предпочел промолчать. Аркканцлер постучал ложкой по столу.

– Братья, – начал он, выбрав момент, когда в комнате воцарилось некое подобие тишины.

Его реплика вызвала громкий и нестройный хор выкриков.

– ...Как всем вам, наверное, известно, мы собрались сегодня, чтобы отметить, э-э, отставку, – нервный смех, – нашего старого друга и коллеги Ветром Сдумса. И знаете что? Когда я посмотрел на сидящего здесь старину Сдумса, мне на ум вдруг пришла старая история о корове, у которой было три деревянных ноги. В общем, жила-была корова...

Казначей позволил себе отвлечься. Он знал этот анекдот. В самый кульминационный момент аркканцлер всегда начинал путаться и надолго терял мысль. К тому же казначея сейчас занимали совсем другие проблемы.

Он все время посматривал на маленький столик.

Казначей был добрым человеком, хотя и немного нервным, и очень любил свою работу. Кроме того, никто из волшебников на нее не претендовал. Многие хотели стать, например, аркканцлером или возглавить один из восьми волшебных орденов, но практически никто не испытывал ни малейшего желания просиживать часами в пыльном кабинете, шелестеть бумажками и заниматься арифметикой. Все университетские бумаги имели тенденцию скапливаться в кабинете казначея, и это означало, что ложился спать он усталым, но, по крайней мере, спал крепко, и ему не приходилось каждую ночь вылавливать из своей ночной рубашки скорпионов, подброшенных неизвестным доброжелателем.

Убийство волшебника более высокой степени было признанным способом продвижения по службе. Тем не менее пойти на убийство казначея мог только тот человек, который получает тихое наслаждение от ровных колонок цифр, а такие люди редко решаются на столь радикальные меры[2 - Нож для резки бумаг – единственный инструмент, которым они могут внести свое имя в историю судебной медицины. Тем не менее подобные случаи известны.].

Казначей вспомнил свое раннее детство в Овцепикских горах, как они с сестрой оставляли Санта Хрякусу стакан вина и сладкий пирог в канун каждой Ночи Всех Пустых. Тогда жизнь была другой. Тогда казначей был гораздо моложе, многого не знал и, вероятно, был намного счастливее.

Например, он даже не догадывался, что станет волшебником и вместе с другими волшебниками будет оставлять бокал вина, кусок торта, куриный рулет довольно сомнительного вида и бумажный смешной колпак для...

...Для того, кто должен прийти.

Когда он был маленьким мальчиком, в канун Ночи Всех Пустых устраивали праздник, который всегда проходил одинаково. Когда все дети едва не теряли сознание от перевозбуждения, один из взрослых вдруг говорил насмешливо:

– Кажется, у нас сегодня будет особый гость!

Именно в этот момент за окном раздавался подозрительный звон свинных колокольчиков, и в дом входил...

...И в дом входил...

Казначей потряс головой. Обычно это был чей-нибудь дедушка, нацепивший фальшивые усы. Веселый старикан с полным мешком игрушек. Он отряхивал снег с сапог, а потом начинал раздавать подарки.

Но сегодня...

Конечно, старина Сдумс чувствует себя совсем иначе. После ста тридцати лет жизни смерть, должно быть, обладает определенной привлекательностью. В

тебе начинает пробуждаться интерес: а что будет дальше?

Запутанный анекдот аркканцлера наконец подошел к мучительному завершению. Собравшиеся волшебники подобострастно захихикали, а потом попытались понять, в чем же соль.

Казначей незаметно взглянул на часы. Двадцать минут десятого.

Ветром Сдумс толкнул речь. Она была длинной, бессвязной и посвященной добрым старым временам. Могло показаться, что он обращается к своим друзьям, умершим по крайней мере лет пятьдесят назад. Однако никто из волшебников не возражал, потому что со временем у всех выработалась устойчивая привычка не слушать старика Сдумса.

Казначей не мог оторвать глаз от часов. Изнутри доносился скрип педалей – это демон терпеливо двигался к бесконечности.

Двадцать пять минут.

«Интересно, как все произойдет?» – подумал казначей. С улицы должен послышаться – «Кажется, у нас сегодня будет особый гость» – стук копыт...

Дверь действительно откроется или Он пройдет прямо сквозь нее? Глупый вопрос. Он славился своей способностью проникать в закрытые помещения – особенно в закрытые помещения, если поразмыслить логически. Понадежней спрячьтесь, заткните все дырочки до единой и ждите – вскоре Он обязательно явится за вами.

И все же казначей надеялся, что Он войдет через дверь, как самый обычный человек. Нервы казначея и так уже звенели как струны.

Разговоры становились все тише. Казначей заметил, что еще несколько волшебников выжидающе поглядывают на дверь.

Сдумс очутился в центре постепенно расширяющейся окружности. О нет, специально его никто не избегал, это броуновское движение всех от него отдаляло.

Волшебники способны видеть Смерть. И когда умирает волшебник, Смерть является за ним лично, дабы проводить его в загробную жизнь. «Интересно, неужели это можно считать привилегией?» – рассеянно подумал казначей.

– И куда вы все так уставились? – бодро воскликнул Сдумс.

Казначей открыл часы.

Крышка под цифрой 12 распахнулась.

– Может, завяжешь меня трести? – возмущенно пискнул бес. – Я все время сбиваюсь со счета.

– Извини, – тихо прошептал казначей.

Девять часов двадцать девять минут.

Аркканцлер шагнул вперед.

– Пока, Сдумс, – сказал он, пожимая высохшую руку старика. – Нам будет тебя не хватать.

– Даже не знаю, и как мы без тебя справимся... – с благодарностью добавил казначей.

– Счастья тебе в другой жизни, – проговорил декан. – Заскакивай, когда будешь проходить мимо. Если, конечно, вспомнишь, кем ты был.

– Тебя здесь всегда ждут, правда-правда, – прочувствованно изрек аркканцлер.

Ветром Сдумс вежливо кивнул. Он ни слова не слышал из того, что они говорили, но по привычке кивал.

Все волшебники как один провернулись к двери.

Крышечка под цифрой 12 снова открылась.

- Бим-бом, бим-бом, – проверещал демон. – Бимли-бимли-бом-бим-бим.

- Что-что? – испуганно переспросил казначей.

- Половина десятого! – рявкнул бес.

Все волшебники с несколько осуждающим видом повернулись к Ветром Сдумсу.

- Ну и чего вы тарашитесь? – осведомился он.

Стрелки на часах со скрипом двинулись дальше.

- Ты как себя чувствуешь? – громко спросил декан.

- Отлично, отлично, как никогда, – ответил Сдумс. – Передайте-ка сюда ром.

На глазах у изумленных волшебников он щедро плеснул в свой бокал из бутылки.

- Э-э, ты бы не слишком увлекался... – немного нервничая, заметил декан.

- За здоровье! – провозгласил тост Ветром Сдумс.

Аркканцлер постучал пальцами по столу.

- Слушай, Сдумс, – сказал он, – ты абсолютно уверен?..

Но Сдумса уже понесло:

- А этих залепешек не осталось? Не то чтобы я считал их нормальной пищей. Что особенного в сухих грязных корках? Я бы сейчас не отказался от знаменитого мясного пирога господина Достабля...

И тут он умер.

Аркканцлер обвел взглядом волшебников, подошел к креслу-каталке и проверил пульс на синих венах запястья. Покачал головой.

- Хотел бы и я так уйти... - растроганно произнес декан.

- Как? Бормоча что-то о мясных пирогах? - спросил казначей.

- Нет. С опозданием.

- Погодите, погодите! - воскликнул аркканцлер. - Это ведь все неправильно. В соответствии с традицией, если умирает волшебник, Смерть должен сам явиться за...

- Возможно, Он был занят, - торопливо объяснил казначей.

- Верно, - согласился декан. - Мне сказали, что из Щеботана движется серьезная эпидемия гриппа.

- И та буря прошлой ночью... - добавил профессор современного руносложения. - Полагаю, кораблей погибло не один и не два.

- Кроме того, сейчас весна, с гор сходят лавины.

- И чума.

Аркканцлер задумчиво почесал в бороде.

- Гм-м, - промолвил он.

Из всех созданий в мире только тролли считают, что живые существа передвигаются по Времени задом наперед. Среди троллей ходит даже такая поговорка: если прошлое известно, а будущее скрыто, значит, вы смотрите не в ту сторону. Все живое движется по жизни от конца к началу... Очень интересная идея, особенно если учитывать, что она была высказана существами, которые большую часть времени стучат друг друга камнями по голове.

Как бы то ни было, Время свойственно только живым.

Смерть галопом несся сквозь густые черные тучи.

Теперь у него тоже было Время.

Время его жизни.

Ветром Сдумс вглядывался в темноту.

- Привет! - крикнул он. - Приве-ет! Есть здесь кто-нибудь? Эй!

Издали донесся какой-то жалкий звук, похожий на свист ветра в конце туннеля.

- Выходи, выходи, кем бы ты ни был, - позвал Сдумс дрожащим от восторга голосом. - Не бойся. Честно говоря, мне самому не терпится умереть.

Он хлопнул в свои призрачные ладони и с натянутым воодушевлением потер их.

- Давай, двигайся. Пора начинать новую жизнь.

Темнота оставалась бесстрастной. У нее не было формы, она не издавала звуков. Это была пустота без формы. Дух Ветром Сдумса подлетел к краю тьмы.

- Проклятье, это еще что за шутки? - покачав головой, пробормотал он. - Разве так поступают?

Немного поболтавшись по округе, дух направился к единственному известному ему дому, потому что больше направиться было некуда.

Этот дом он занимал в течение ста тридцати лет. Дом, правда, не ожидал его возвращения и начал сопротивляться. Нужно быть очень настойчивым или очень сильным, чтобы сломить такое сопротивление, но Ветром Сдумс не зря почти целый век был волшебником. Кроме того, это походило на взлом собственного

дома, своей старой собственности, где ты жил долгие годы. Кто-кто, а ты всегда знаешь, где неплотно прикрыта твоя метафорическая форточка.

Короче говоря, Ветром Сдумс вернулся в Ветром Сдумса.

Волшебники не верят в богов. Примерно так же, как большинство людей не видят необходимости верить, скажем, в столы. Люди знают, что столы существуют, знают, что существование это оправданно и столы занимают определенное место в хорошо организованной вселенной. Люди просто не видят никакой необходимости в том, чтобы ходить кругами и приговаривать: «О, великий стол, без тебя я – ничто». В любом случае, либо боги существуют вне зависимости от того, верите вы в них или нет, либо они существуют в качестве функции веры. Так что на всякие частности можно не обращать внимания. А хочется преклонить голову – всегда пожалуйста.

Тем не менее в Главном зале Университета стояла часовенка – хоть волшебники и придерживались описанной выше философии, успеха в магическом ремесле ты никогда не достигнешь, если будешь задирать нос перед богами. Пусть даже эти боги существуют лишь в эфирном и метафорическом смысле. Да, волшебники в богов не верят, но им прекрасно известно: в богов верят сами боги.

Сейчас в часовенке лежало тело Ветром Сдумса. Тридцать лет назад во время похорон Благодрава «Веселого Шутника» Сосса произошел крайне неприятный инцидент, и с тех пор Университет постановил: в течение двадцати четырех часов после явления Смерти обеспечивать к телу покойного беспрепятственный доступ всякому желающему.

Тело Ветром Сдумса открыло глаза. Две монеты, придерживавшие веки, со звоном упали на каменный пол.

Скрещенные на груди руки распепились.

Сдумс поднял голову. Какой идиот положил ему на живот лилию?

Он посмотрел по сторонам. По обе стороны от его лица стояли свечи.

Он приподнял голову.

Еще две свечи стояли в ногах.

«Спасибо тебе, старина Сосс, – с благодарностью подумал Сдумс. – Если бы не ты, обсматривал бы я сейчас изнутри дешевый сосновый гроб».

«Самое смешное, – подумал он потом, – что я очень ясно и четко соображаю».

Здорово!

Сдумс лежал и ощущал, как дух заполняет тело, словно сверкающий расплавленный металл вливается в пустую форму. Раскаленные добела мысли обожгли темную пустоту мозга и заставили ленивые нейроны пошевеливаться.

«Никогда себя так не чувствовал. Даже когда был живым.

Но я не мертв.

Не совсем живой и не совсем мертвый.

Типа неживой.

Или немертвый. Неужели я превратился в умертвия?

О боги...»

Он принял вертикальное положение. Мышцы, которые последние семьдесят или восемьдесят лет наотрез отказывались работать, переключились на ускоренную передачу. Впервые за всю жизнь (тут же поправившись, Сдумс решил называть это «периодом существования») тело Ветром Сдумса целиком и полностью подчинилось своему хозяину. Дух Ветром Сдумса не собирался церемониться с какой-то там грудой мышц.

Тело встало. Коленные суставы попытались было воспротивиться, но шансов отразить стремительную атаку силы воли у них было не больше, чем у больного

комара, попробовавшего сразиться с газовой горелкой.

Дверь в часовню была заперта, но Сдумс быстро понял, что малейшего усилия вполне хватит, чтобы выдрать из дерева замок и оставить рельефные отпечатки пальцев на металлической дверной ручке.

- О боги, - еще раз пробормотал он.

Он направил свое тело в коридор. Звон столовых приборов и приглушенные голоса предполагали, что неподалеку свершается один из четырех ежедневных приемов пищи, которые так свято чтились в Университете.

«Интересно, разрешается ли тебе есть, если ты мертвый? - задумался Сдумс. - Скорее всего нет».

Кстати, а способен ли он есть? Дело не в том, что он еще не успел проголодаться. Просто... его мозг функционировал, а ходьба, всякого рода движения - это всего лишь сокращение определенных мышц... Но как работает желудок?

Сдумс вдруг стал понимать, что мозг может думать себе все, что угодно, но человеческое тело ему неподвластно. На самом деле оно управляется множеством сложных автоматических систем, которые жужжат и пощелкивают. Настройка тела столь точна, что ощущаешь ее, только когда что-нибудь выходит из строя.

Удобно устроившись в зале управления, который располагался в черепной коробке, Сдумс принялся исследовать свое тело. Бесшумная химическая фабрика печени привела его в отчаяние - примерно так же смотрел бы изготовитель байдарки на компьютерный пульт управления супертанкера. А ведь ему еще предстоит овладеть почечным контролем. Ну а селезенка? Что вообще это такое? И как заставить ее работать?

Сердце его упало.

Кстати, сердце...

- О боги... - в который уже раз пробормотал Сдумс и прислонился к стене.

Оно-то как работает? Он обследовал наиболее перспективные нервы. Что там нужно... систолические... или диастолические... систолические... или диастолические?.. А еще легкие...

Подобно жонглеру, вращающему восемнадцать тарелок одновременно, подобно человеку, пытающемуся запрограммировать видеоманитофон по инструкции, переведенной с японского на голландский корейским сборщиком риса, - подобно человеку, впервые в жизни узнающему, что такое полный самоконтроль, Ветром Сдумс нетвердой походкой двинулся вперед.

В Незримом Университете обильной, сытной пище придавалось огромное значение. В один голос все волшебники утверждали: нельзя ждать от человека серьезного волшебства, если предварительно не накормить его супом, рыбой, дичью, несколькими огромными мясными блюдами, пирогом или парой, чем-нибудь большим и пышным с кремом, чем-нибудь пряным на тосте, фруктами, орехами и чем-нибудь сладким с кирпич толщиной под три-четыре чашки кофе. Человек должен всегда чувствовать уверенность в собственном желудке. Не менее важна и регулярность приема пищи. Все это придает жизни осмысленность.

Но к казначею это не относилось. Ел он немного, а жил за счет нервов. К тому же он считал, что страдает жутким ожирением, потому что, глядя в зеркало, каждый раз видел там толстяка. Хотя это был стоящий за его спиной и орущий на него аркканцлер.

И несчастливая судьба казначея проявилась еще раз в том, что именно он сидел напротив двери, когда ее выбил Ветром Сдумс, посчитавший, что так будет проще, чем возиться с ручками.

Казначей подавился деревянной ложкой.

Волшебники развернулись на своих скамьях.

На то, чтобы разобраться с управлением голосовыми связками, языком и губами, ушло некоторое время. Ветром Сдумс молча стоял и качался из стороны в сторону.

- Думаю, немного вина я сумею переварить, - наконец изрек он.

Первым опомнился аркканцлер.

- Сдумс! - воскликнул он. - А мы думали, ты умер!

И тут же сам признал, что фраза получилась не слишком удачной. Обычно людей не кладут на покойницкий стол, не ставят вокруг них свечи и не осыпают лилиями только потому, что создается впечатление, будто у них разболелась голова и им захотелось с полчаса полежать.

Сдумс сделал несколько шагов вперед. Волшебники, отпихивая друг друга, попытались убраться с его дороги.

- Я и есть мертвый. Вот ведь дурень, даром что молодой, - пробормотал он. - Думаешь, я всегда так выглядел? Вокруг меня одни придурки. - Он обвел сердитым взглядом всех присутствующих волшебников. - Кто-нибудь знает, для чего нужна селезенка?

Сдумс подошел к столу и даже сумел сесть.

- Наверное, тут как-то замешано пищеварение, - сказал он. - Самое смешное, можно целую жизнь прожить, эта штука будет себе тикать, бурчать, заниматься своими делами, а ты так и не поймешь, на кой черт она тебе была нужна. Бывает, лежишь ночью и слышишь: «буль-буль-уррррр». Для тебя это просто бурчание желудка, но кто знает, что за сложные химические процессы протекают в тебе в это самое время. Ведь поистине чудесно, замечательно и...

- Ты восстал из мертвых? - наконец обрел дар речи казначей.

- Об этом я никого не просил, - раздраженно ответил покойный Ветром Сдумс, глядя на тарелки и размышляя, как, черт побери, это все может усваиваться и превращаться в Ветром Сдумсов. - Я вернулся только потому, что больше идти

было некуда. Неужели я выгляжу так, словно очень рад вас всех видеть?

- Но... но... - запинаясь, проговорил аркканцлер. - А как же... ну... тот мрачный парень с черепом и косой...

- Мы разминулись, - коротко ответил Ветром Сдумс, разглядывая блюда на столе. - Знаешь, это неумирание так выводит из себя...

Над его головой волшебники обменивались отчаянными сигналами. Сдумс свирепо посмотрел на них.

- Не думайте, что я не вижу, как вы там машете руками, - сказал Сдумс.

И сам удивился правдивости своих слов. Глаза, которые последние шестьдесят лет видели окружающий мир сквозь какую-то бледную, мутную пелену, стали работать как превосходный оптический прибор.

Умы волшебников Незримого Университета занимали две группы мыслей.

Большая часть волшебников думала: «Это просто ужасно, неужели это действительно старина Сдумс, а ведь он был таким милым старикашкой. И как мы теперь избавимся от него? Как бы нам от него избавиться?»

Тогда как мысли, которые обрабатывал сверкающий огнями и жужжащий пульт управления Ветром Сдумса, заключались в следующем: «Все верно. Жизнь после смерти есть. И она ничем не отличается от жизни до смерти. Это все мое клятвое «везение»...»

- Ну, - сказал он. - И что вы теперь будете делать?

Прошло пять минут. С полдюжины старших волшебников бежали вслед за шагавшим по коридору аркканцлером. Мантия аркканцлера грозно развевалась.

Разговор проистекал примерно следующим образом.

- Это явно Сдумс! Он даже говорит так же!
- Да нет, не Сдумс это. Старик Сдумс был значительно старше!
- Старше? Он же мертв, куда уж старше?!
- Он сказал, что хочет вернуться в старую спальню, и я не понимаю, почему я должен уступать ее...
- Ты видел его глаза? Как буравчики!
- Да? Что? Что ты имеешь в виду? Буравчики? По-моему, в кулинарии на Цепной есть такие пирожные – кстати, очень вкусно...
- Я имею в виду, они пронзают тебя насквозь!
- ...У меня чудесный вид из окна на сад, я уже перенес все вещи, это несправедливо...
- Когда-нибудь такое случалось?
- Ну, был старина Сосс...
- Верно, но он же по-настоящему не умирал. Просто вымазал зеленой краской лицо, а потом откинул крышку гроба да как заорет: «Сюрприз, сюрприз!..»
- Кто-кто, а зомби в Университет еще не наведывались.
- А он – зомби?
- Думаю, да...
- Значит, он будет стучать в барабаны и круглую ночь плясать?
- А что, зомби именно этим и занимаются?

– Кто? Старина Сдумс? Нет, это не в его натуре. При жизни он терпеть не мог всякие пляски...

– Знаете, что я скажу? Никогда не доверяйте богам вуду. Нельзя верить богу, который все время улыбается и носит цилиндр. Лично я придерживаюсь в жизни именно этого принципа.

– Да будь я проклят, если уступлю свою спальню какому-то зомби. И это после стольких лет ожидания...

– Да? Забавные у тебя принципы.

Сдумс неторопливо разобрался в собственной голове.

Довольно странно. Сейчас он был мертв, или не жив, или как там еще, а ум функционировал лучше некуда. При жизни такого не случилось.

Контролировать тело тоже становилось все легче. Об органах дыхания можно было не волноваться, селезенка каким-то образом заработала, органы чувств слышали, видели, обоняли и так далее. Правда, некоторую загадку по-прежнему представляли органы пищеварения.

Он посмотрел на свое отражение в серебряном блюде.

Выглядел Сдумс все таким же мертвым. Бледное лицо, красные мешки под глазами. Мертвое тело. Работающее, но тем не менее мертвое. Это разве честно? Где справедливость? Где достойное вознаграждение за искреннюю веру в реинкарнацию на протяжении долгих ста тридцати лет? Возвращаешься к жизни трупом – вот она, награда?

Неудивительно, что мертвецов по большей части считают довольно злобными тварями.

О да, должно было случиться нечто чудесное. Если рассматривать отдаленное будущее, конечно.

Если же рассматривать ближайшие или среднеудаленные перспективы, то должно было произойти нечто абсолютно ужасное.

Примерно такая же разница существует между наблюдением за прекрасной новой звездой, появившейся на зимнем небе, и нахождением рядом со сверхновой. Между рассматриванием капелек утренней росы на тончайших нитях паутины и попаданием в эту сеть в виде мухи.

При нормальном течении событий это бы не произошло еще много-много тысяч лет.

Но сейчас оно должно было произойти.

И начаться все должно было в давно заброшенном, покрытом пылью шкафу, спрятанном в полуразрушенном подвале. А подвал тот находился в Тенях – в наиболее старом, самом опасном квартале Анк-Морпорка.

Плюх.

Звук был мягким, словно первая капля дождя упала на вековой слой пыли.

– Может, пустить по его гробу черную кошку?

– У него же нет гроба! – взвыл казначей, чьи отношения с рассудком не отличались крепостью уз.

– Хорошо, значит, купим ему хороший новый гроб, а затем заставим кошку пройти по нему.

– Нет, нет, это глупо, надо заставить его перейти через бегущую воду.

– Что?

– Бегущая вода. Мертвецы ее на дух не переносят.

Собравшиеся в кабинете аркканцлера волшебники с глубоким интересом изучили это предложение.

- Ты уверен? - спросил декан.

- Хорошо известный факт, - небрежно ответил профессор современного руносложения.

- Интересное предположение... - с сомнением в голосе произнес декан.

- С ней ему ни за что не справиться!

- А где мы возьмем бегающую воду?

- Не бегающую. Бегущую. Проточную. Река там, озеро, - быстро объяснил профессор современного руносложения. - Мы должны заставить его пройти по проточной воде. Мертвые этого не умеют.

- Я тоже не умею ходить по воде, - сказал декан.

- И он тоже! И он мертвец! Кругом мертвецы! - завопил казначей, слегка утративший связь с реальностью.

- Не дразни его. Видишь, человеку плохо. - Профессор успокаивающе похлопал трясущегося казначея по спине.

- Но я и в самом деле не умею ходить по воде, - стоял на своем декан. - Я тут же утону.

- Я не имел в виду, что нужно ходить прямо по воде. Мертвецы не могут пересечь речку или ручей даже по мосту.

- А он один такой? - осведомился профессор. - Или у нас начнется эпидемия?

Аркканцлер забарабанил пальцами по столу.

– Это крайне негигиенично, когда мертвые везде болтаются... – заметил он.

Все замолчали. Такая мысль никому не приходила в голову, но Наверн Чудакулли был именно тем человеком, кто мог до этого додуматься.

Наверн Чудакулли был либо лучшим, либо худшим – в зависимости от вашей точки зрения – аркканцлером Незримого Университета за последние сто лет.

Прежде всего, его было много. Не то чтобы он был исключительно крупным мужчиной, просто Чудакулли обладал какой-то странной способностью заполнять все свободное пространство. За ужинами он напивался и начинал во всю глотку горланить какие-то никому не известные песни, но это было нормальное, достойное волшебника поведение. Зато потом он закрывался в своей комнате и всю ночь бросал дротики, а в пять часов утра отправлялся стрелять уток. Он кричал на людей. Он постоянно всех поддразнивал. К тому же он практически никогда не носил надлежащие аркканцлеру одеяния. Чудакулли уговорил грозную госпожу Герпес, управляющую хозяйственной частью Университета, сшить ему мешковатый костюм безвкусных сине-красных тонов и дважды в день на глазах у изумленных волшебников упрямо бегал в нем вокруг зданий Университета, крепко подвязав остроконечную шляпу шнурком. Бегал и что-то весело кричал своим коллегам. Наверн Чудакулли относился к тому типу жизнерадостных людей, которые искренне и свято верят: то, чем он занимается, должно нравиться всем без исключения, просто они этого еще не пробовали.

– В один прекрасный день он возьмет да откинется, – переговаривались волшебники, наблюдая, как аркканцлер раскалывает на реке Анк первый ледок, дабы совершить утреннее омовение. – Все эти полезные для здоровья упражнения добром не заканчиваются.

По Университету ходили всякие сплетни. Мол, аркканцлер продержался целых два раунда в кулачной схватке с Детритом – огромным, как скала, троллем, подрабатывающим в «Залатанном Барабане» вышибалой. Потом аркканцлер вступил в поединок по армреслингу с библиотекарем, и, хотя не победил, рука у него осталась целой и невредимой. А еще аркканцлер хотел собрать университетскую футбольную команду и выступить с ней в городском турнире в День Всех Пустых.

А вообще говоря, Чудакулли удерживал свой пост по двум причинам. Во-первых, он никогда, абсолютно никогда не менял свою точку зрения. А во-вторых, каждую высказанную ему мысль он обдумывал по нескольку минут – очень важная для руководителя черта, так как любая идея, на которой человек настаивает больше двух минут, скорее всего, не лишена важности и здравого смысла, тогда как идея, от которой человек отказывается всего лишь через минуту, вряд ли заслуживает того, чтобы тратить на нее драгоценное время.

Подводя итог, можно сказать: Наверна Чудакулли было гораздо больше, чем способно вместить отдельно взятое человеческое тело.

Плюх. Плюх.

Одна полка шкафа в темном подвале уже заполнилась доверху.

Ну а Ветром Сдумса было ровно столько, сколько могло поместиться в одном теле. И он осторожно вел это тело по коридорам.

«Никак не ожидал, что со мной может случиться такое, – думал он. – Чем я это заслужил? Наверняка где-то произошла ошибка».

Он ощутил дуновение прохладного ветерка на лице и понял, что очутился на улице. Впереди высились ворота Университета – закрытые и запертые на замок.

Ветром Сдумс вдруг почувствовал острый приступ клаустрофобии. Он столько лет ждал Смерть, но, когда заветный миг был так близок, оказался вдруг запертым в этом... в этом мавзолее, полном полоумных стариков, с которыми он будет вынужден провести всю свою жизнь после смерти. Итак, во-первых, следовало поскорее убратся отсюда и найти достойный конец, а потом уже...

– Вечер добрый, господин Сдумс.

Он медленно обернулся и увидел крошечную фигурку гнома Модо, университетского садовника, который сидел и курил свою трубку.

- А, привет, Модо.

- Слышал, вы померли, господин Сдумс.

- Э-э, да, было такое, было.

- Но, вижу, вы прекрасно с этим справились.

Сдумс кивнул и угрюмо посмотрел на окружающие его стены. На закате университетские ворота всегда запирались, и после захода солнца студенты и преподаватели вынуждены были лазать через стены. Он очень сомневался, что ему это удастся.

Сдумс медленно сжал и разжал кулаки. Ладненько...

- Слушай, Модо, а других ворот рядом нет?

- Никак нет, господин Сдумс.

- А как насчет того, чтобы сделать запасные ворота? Никто над этим не думал?

- Прошу прощения, господин Сдумс?

Послышался звук разбиваемых камней, и в стене возникла дыра, смутно напоминающая по форме фигуру Ветром Сдумса. В дыру просунулась рука Сдумса и подняла упавшую с головы шляпу.

Модо снова раскурил трубку. «И чего только не повидаешь на этой работе!» - с восторгом подумал гном.

В грязном переулке, скрытом от глаз прохожих, некто по имени Редж Башмак, уже принадлежащий к рядам мертвых, воровато оглянулся по сторонам, достал из кармана кисть, банку с краской и вывел на стене следующий лозунг:

«УМЕРЕТЬ – ДА! УЙТИ – НЕТ!»

И убежал. Ну или с большой скоростью уковылял.

Аркканцлер распахнул окно в ночь.

– Слушайте, – велел он волшебникам.

Волшебники прислушались.

Лаяла собака. Засвистел вор, и с соседней крыши раздался ответ. Где-то далеко ссорилась супружеская пара, причем так, что люди, живущие на соседних улицах, открыли окна, чтобы послушать и записать особо понравившиеся выражения. Но то были лишь сольные темы, выделяющиеся на фоне вечного гудения города. Двигаясь к рассвету, Анк-Морпорк мирно урчал, этокое огромное живое существо – но это, как вы понимаете, не более чем метафора.

– Ну и что? – осведомился главный философ[3 - Как и во многих других учебных заведениях, в Незримом Университете существует человек, преподающий студентам основы философии. Только в данном случае речь идет о магических аспектах данных наук. И естественно, в Университете, как и в большинстве других подобных школ, такого человека тоже называют главным философом.]. – Ничего особенного не слышу. С философской точки зрения данный звуковой фон является естественным явлением каждого города.

– Именно это я и хотел сказать. В Анк-Морпорке люди умирают каждый день. Если бы они стали возвращаться, как бедняга Сдумс, неужели мы бы этого не услышали? Весь город встал бы на уши. Это, конечно, его нормальное состояние, но, в общем, что-то мы бы услышали.

– В Анк-Морпорке вечно ошиваются всякие умертвия или зомби, – с сомнением в голосе заметил декан. – Это если не говорить о вампирах, банши и всех прочих.

– Да, но они – нормальные существа. Конечно, они тоже мертвы, но это естественный ход событий, – возразил аркканцлер. – А кроме того, они умеют себя вести. С самого рождения их соответствующим образом воспитывают.

– Очень философская мысль. Родиться, чтобы жить мертвецом... – заметил главный философ.

– Я имею в виду традиции, – отрезал аркканцлер. – Неподалеку от деревушки, где я рос, жила семья вполне уважаемых вампиров. Причем жила она там уже много веков.

– Да, но они ведь пьют кровь, – не сдавался главный философ. – За что их уважать?

– Я где-то читал, что на самом деле в настоящей человеческой крови они совсем не нуждаются, – вставил декан, которому не терпелось помочь. – Им нужно только то, что содержится в крови. Гемоглобин, так, кажется, это называется.

Остальные волшебники недоуменно уставились на него.

– Я лишь пересказываю то, что читал, – пожал плечами декан. – Так и было написано. Гемоглобин. Что-то там насчет содержания железа в крови.

– Честно говоря, в своей крови никаких железных гоблинов я не находил, – твердо заявил главный философ.

– По крайней мере, лучше уж вампиры, чем зомби, – продолжал декан. – Они по своему развитию стоят куда выше. По крайней мере, не шаркают ногами.

– Знаете, – непринужденно сказал профессор современного руносложения, – а ведь людей можно превращать в зомби искусственным путем. Даже волшебства не требуется. Нужно лишь взять печень какой-то там редкой рыбы и найти редкий корешок. Одна чайная ложка зелья, заснул, проснулся – и ты уже зомби.

– И о какой же рыбе идет речь? – язвительно поинтересовался главный философ.

– Откуда мне-то знать?

– А откуда знают другие? – парировал главный философ. – Представьте себе такую картинку, просыпается кто-нибудь утром и говорит: «Эй, какая классная

идея меня посетила! Можно превращать людей в зомби, а все, что для этого нужно, – это печень редкой рыбы и огрызок некоего корешка. Главное теперь – найти правильное сочетание. Видите очередь у моей хижины? Вот сколько желающих. Ну, за работу. Номер девяносто четыре, печень рыбы-полосатки и маньячный корень... не работает. Номер девяносто пять, печень рыбы-шаробум и корешок дум-дум... нет, тоже не работает. Номер девяносто шесть...»

– Ты что несешь? – спросил аркканцлер.

– Я просто хотел отметить маловероятность...

– Заткнись, а? – беззлобно приказал аркканцлер. – Мне кажется... лично мне кажется, что смерть – это явление непреходящее, все согласны? Смерть должен случаться. В этом и заключается смысл жизни. Сначала ты живешь, затем – умираешь. Смерть не может перестать случаться.

– Но Сдумса Смерть почему-то проигнорировал, – напомнил декан.

– Да, смерть есть, – не обращая на него внимания, продолжал Чудакулли. – Все когда-нибудь умирают. Даже овощи.

– Сомневаюсь, чтобы Смерть когда-нибудь навевывался к картофелине, – неуверенно произнес декан.

– Смерть посещает всех, – твердо заявил аркканцлер.

Волшебники с умным видом закивали.

– Знаете, – чуть погодя высказался главный философ. – Я когда-то читал, что каждый атом в наших телах меняется каждые семь лет. Новые атомы присоединяются, старые отваливаются. Это происходит постоянно. Правда, здорово?

Главный философ умел поспособствовать разговору – так густая паточка помогает шестеренкам крутиться.

– Да? – помимо собственной воли заинтересовался Чудакулли. – А что происходит со старыми атомами?

– Понятия не имею. Наверное, порхают где-то, пока не присоединятся к кому-нибудь еще.

Аркканцлер выглядел оскорбленным.

– Что? К волшебникам они тоже присоединяются?

– Конечно. К любому человеку. Это и есть чудо мироздания.

– Да? А по-моему, это просто плохая гигиена, – заявил аркканцлер. – И что, ничего не изменишь?

– Вряд ли, – с сомнением произнес главный философ. – Не думаю, что стоит изменять порядки мироздания.

– Но это означает, что все мы... все вещи вокруг не являются целыми, они состоят из чего-то еще, – заметил Чудакулли.

– Да, это и есть самое удивительное.

– Просто ужасно. Отвратительно, – твердо возразил Чудакулли. – Тем не менее я хотел сказать... О чем я хотел сказать? – Он замолчал, пытаясь вспомнить ход беседы. – Да, нельзя отменить смерть, вот что я хотел сказать. Смерть не может умереть. Это то же самое, что просить скорпиона ужалить самого себя.

– Кстати говоря, – вмешался главный философ, у которого на все был готовый ответ. – Скорпиона можно-таки заставить...

– Заткнись, – велел аркканцлер.

– Но мы ведь не можем допустить, чтобы по городу шлялся воскресший из мертвых волшебник! – воскликнул декан. – Кто знает, что придет ему в голову? Мы должны... обязаны остановить его. Для его же блага.

– Это правильно, – кивнул Чудакулли. – Для его же блага. И особых трудностей я здесь не вижу. Существует сотни способов справиться со всякими там умертвиями.

– Чеснок, – решительно произнес главный философ. – Мертвецы не переносят чеснок.

– И я их понимаю, – сказал декан. – Сам это дерьмо терпеть не могу.

– Мертвец! И он тоже! Мы все мертвы! – мигом завопил казначей, тыкая в декана пальцем.

Никто не обратил на казначея ни малейшего внимания.

– Кроме того, есть определенные святыни, – продолжал главный философ. – Обычный умертвий, только взглянув на них, тут же обращается в прах. Кроме того, воскресшие мертвецы не выносят солнечного света. В крайнем случае можно попробовать похоронить его на перекрестке. Это никогда не подводило. А еще в мертвецов, заведших привычку шататься среди живых, вбивают кол, чтобы они больше не поднимались.

– На всякий случай стоит смазать этот кол чесноком, – добавил казначей.

– М-м, да, верно. Это не помешает, – неохотно согласился главный философ.

– А вот хороший кусок мяса никогда не следует натирать чесноком, – заметил декан. – Достаточно немного масла и специй.

– Красный перец тоже хорош, – радостно присоединился к беседе профессор современного руносложения.

– Заткнитесь, а? – велел аркканцлер.

Плюх.

Петли шкафа наконец не выдержали, и содержимое вывалилось на пол.

Сержант Колон из Городской Стражи Анк-Морпорка нес ответственное дежурство. Он охранял Бронзовый мост, связывающий Анк и Морпорк. Охранял, чтобы мост не украли.

Когда речь шла о предотвращении преступления, сержант Колон предпочитал мыслить масштабно.

Некоторые граждане Анк-Морпорка считают, что настоящий городской страж, охраняющий и защищающий закон, должен прежде всего патрулировать улицы и переулки, работать с информаторами, преследовать преступников и тому подобное.

Однако сержант Колон не был сторонником подобного рода мнений. Наоборот, в ответ на подобные слова он поспешил бы заявить, что пробовать снизить уровень преступности в Анк-Морпорке – это все равно что пытаться понизить уровень содержания соли в морской воде. Любой страж закона, попытавшийся выступить против анк-морпоркской преступности, рисковал нарваться на следующую реакцию со стороны окружающих: «Эй, послушайте-ка, а этот труп, который валяется в канаве, – это же старина сержант Колон!» Нет, идущий в ногу со временем, предприимчивый и умный страж порядка должен действовать вовсе не столь прямолинейно. Он должен на шаг опережать преступника. Вот если кто-нибудь вдруг надумает украсть Бронзовый мост, сержант Колон немедля схватит вора на месте преступления.

Кроме того, место дежурства было тихим, защищенным от ветра, здесь можно было спокойно покурить, и никакого рода неприятности сюда не заглядывали.

Упершись локтями в парапет, сержант Колон неспешно размышлял о Жизни.

Из тумана появилась фигура. Сержант Колон заметил на ее голове знакомую остроконечную шляпу волшебника.

– Добрый вечер, офицер, – проскрипел волшебник.

- Доброе утро, ваша честь.

- Слушай, ты мне не пособишь забраться на этот парапет?

Сержант Колон замешкался. Но вновь прибывший и в самом деле был волшебником. Отказывая в помощи волшебнику, тоже можно нарваться на серьезные неприятности.

- Проверяешь новый способ волшебства, ваша честь? – дружелюбно осведомился сержант, помогая щуплому, но неожиданно тяжелому старичку залезть на крошащиеся камни.

- Нет.

Ветром Сдумс шагнул с моста. Внизу что-то хищно чавкнуло[4 - То, что воскресший мертвец не может пересечь проточную воду, абсолютно верно. Тем не менее мутную от природы реку Анк, вобравшую в себя грязь со всех равнин и прошедшую сквозь огромный город (численность населения – 1 000 000 чел.), вряд ли можно считать «проточной». Не говоря уж о том, что «река Анк» и «вода» – две абсолютно разные вещи.].

Сержант Колон уставился на медленно смыкающуюся поверхность реки Анк.

Ох уж эти волшебники. Вечно что-нибудь придумают.

На реку он смотрел долго. Спустя минут пятнадцать отходы и прочая мерзость, болтающиеся у основания одной из опор моста, расступились, и возле скользких, исчезающих в реке серых ступеней появилась остроконечная шляпа.

Сержант Колон услышал, как волшебник медленно ковыляет по ступеням и шепотом ругается.

Промокший насквозь Ветром Сдумс поднялся на мост.

- Тебе стоило бы переодеться, – подсказал сержант Колон. – Замерзнешь до смерти, если будешь торчать на ветру в таком виде.

- Ха!

- И на твоём месте я бы хорошенько прогрелся у жарко пылающего камина.

- Ха!

Сержант Колон не спускал глаз с Ветром Сдумса. У ног волшебника медленно образовывалась лужа.

- Испытываешь какую-нибудь новую подводную магию, ваша честь?

- Не совсем так, офицер.

- Да, мне тоже всегда было интересно, как оно там, под водой, - ободряюще продолжал сержант Колон. - О эти таинственные, невероятные существа, населяющие подводные глубины... Моя мама как-то рассказывала мне сказку о маленьком мальчике, который превратился в русалку, вернее, в русала, о всех его чудесных приключениях...

Под грозным взглядом Ветром Сдумса он вдруг лишился дара речи.

- Там скучно, - сказал Сдумс, повернулся и шагнул в туман. - Очень, очень скучно. Ты даже представить себе не можешь, как там неинтересно.

Сержант Колон опять остался один. Дрожащей рукой он поднес спичку к новой сигарете и торопливо зашагал к штабу Городской Стражи.

- Это лицо... - бормотал он. - И глаза... прямо как эти пирожные... ну, что в кулинарии на Цепной...

- Сержант!

Колон замер, потом посмотрел вниз. С уровня земли на него смотрело чье-то лицо. Придя в себя, он узнал пронирливую мордочку своего старого знакомого Себя-Режу-Без-Ножа Достабля - ходячего и разговаривающего доказательства того, что человечество произошло от грызунов. С.Р.Б.Н. Достабль любил называть себя авантюристом от торговли, но другие склонялись к мнению, что

Достабль – просто мелкий жулик, чьи схемы зарабатывания денег всегда обладают небольшим, но жизненно важным недостатком: чаще всего он пытается продать то, что ему не принадлежит, то, что не работает, и даже то, чего никогда не существовало. Знаменитое золото фей бесследно испаряется с первыми же лучами солнца, но по сравнению с некоторыми товарами Достабля эта крайне эфемерная субстанция все равно что железобетонная плита.

Сейчас Достабль стоял на нижней ступени одной из лестниц, ведущих в бесчисленные подвалы Анк-Морпорка.

– Привет, Себя-Режу.

– Слушай, Фред, ты не спустишься сюда на минутку? Нужна помощь законопорядка.

– Проблемы?

Достабль почесал нос:

– Фред, вот ты можешь сказать... Э-э... Когда тебе что-то дают – это преступление? Ну, дают без твоего ведома.

– А тебе что, кто-то что-то дал?

Себя-Режу-Без-Ножа кивнул.

– Понимаешь, тут такая ситуация... Тебе известно, что я храню здесь кое-какой товар?

– Да.

– Ну так вот, значит, спускаюсь я, чтобы сделать переучет, а тут... – Он беспомощно развел руками. – Ты лучше сам посмотри...

Он открыл дверь в подвал.

В темноте что-то упало. Плюх.

Вытянув перед собой руки, Ветром Сдумс бесцельно брел по кварталу под названием Тени. Его кисти расслабленно покачивались. Он и сам не знал, почему так идет, просто такое положение рук казалось ему правильным.

Может, спрыгнуть с крыши? Нет, не сработает. Ходить и так трудно, а переломанные ноги только осложнят ситуацию. Яд? Тоже нет, заработаешь лишь жуткую боль в желудке. Петля? Болтаться в ней еще скучнее, чем сидеть на дне реки.

Он вышел в шумный двор, где сходились несколько переулков. Крысы, завидев его, порскнули по щелям. Завизжала и прыгнула на крышу кошка.

Сделав еще несколько шагов, Сдумс остановился и попытался было разобраться, как он здесь очутился, зачем он здесь очутился и что будет дальше, – как вдруг почувствовал, что в позвоночник ему уткнулось острие ножа.

– Ну, дед, – раздался за его спиной чей-то голос. – Кошелек или жизнь?

Губы Ветром Сдумса растянулись в дьявольской ухмылке.

– Слышь, старик, я ведь не шучу, – сказал голос.

– Ты из Гильдии Воров? – не оборачиваясь, поинтересовался Сдумс.

– Нет, мы... свободные художники. Давай-ка посмотрим, какого цвета у тебя денежки.

– А у меня их нет, – ответил Сдумс и повернулся.

Грабителей было трое.

– Ты погляди на его глаза, – воскликнул один.

Сдумс вскинул руки над головой.

- У-у-у-у-у-у-у-у! - провыл он.

Грабители попятились. К сожалению, их отступление было быстро прервано надежной каменной стеной, к которой они в страхе приникли.

- О-о-о-о-О-О-О-О-о-о-о-о-по-о-о-ошли-и-и-во-о-о-он-о-о-о-О-О-О-о-О-о! - завопил Сдумс, для большей убедительности закатив глаза.

Он еще не понял, что перекрывает их единственный путь к спасению.

Обезумевшие от ужаса горе-грабители пронырнули под его руками, но один из них успел-таки всадить нож прямо в куриную грудь Сдумса. Нож вошел по самую рукоять.

Сдумс опустил глаза.

- Эй! - заорал он. - Это же моя лучшая мантия. И я хотел, чтобы меня в ней похоронили. Вы знаете, как трудно штопать шелк? Идите сами посмотрите, ведь на самом видном месте...

Он прислушался. Было тихо, только издалека доносился стремительно удаляющийся топот.

Ветром Сдумс вытащил нож.

- А могли бы и убить, - пробормотал он, отбрасывая нож в сторону.

Очутившись в подвале, сержант Колон поднял один из предметов, кучами валявшихся на полу.

- Их здесь тысячи, - произнес за его спиной Достабль. - И я хочу знать, кто их сюда притащил[5 - Несмотря на свою недостаточную распространенность, антипреступления на Плоском мире тем не менее встречаются и обусловлены

фундаментальным законом, гласящим: в множественной вселенной всему есть своя противоположность. Естественно, антипреступления весьма и весьма редки, однако они все же случаются. Простая передача кому-либо чего-либо не считается противоположностью ограбления, но подобная передача является антипреступлением в том случае, если она сопровождается оскорблением и/или унижением потерпевшего. Таким образом, существуют следующие известные виды антипреступлений: взлом с последующим украшением квартиры, оскорбительное дарение (к примеру, вручение памятного подарка в связи с уходом на пенсию) и антишантаж (например, угрозы раскрыть врагам то, что данный известный злодей и гангстер некогда пожертвовал довольно внушительную сумму на благотворительность). Однако еще раз отметим, что должного распространения антипреступления не получили.].

Сержант Колон покрутил в руках странную вещицу.

– Никогда не видел ничего подобного. – Он потряс штуковину и улыбнулся. – А красиво, правда?

– Дверь была заперта, – пояснил Достабль. – А с Гильдией Воров я расплатился.

Колон снова потряс предмет:

– Красиво.

– Фред?

Колон не отрываясь смотрел, как в маленьком стеклянном шаре кружатся и падают крошечные снежинки.

– Да?

– Что мне делать?

– Не знаю. Думаю, Себя-Режу, это все теперь принадлежит тебе. Хотя даже представить себе не могу, и кому это понадобилось избавляться от такой красоты...

Он повернулся к двери. Достабль загородил ему дорогу.

- С тебя двенадцать пенсов, - сказал он.

- Что?

- Ты кое-что положил себе в карман, Фред.

Колон достал шарик.

- Да перестань! - принялся возражать он. - Ты же их нашел! Они не стоили тебе ни пенса!

- Да, но хранение... упаковка... обработка...

- Два пенса.

- Десять.

- Три.

- Семь пенсов. Честно тебе говорю, я себя без ножа режу.

- По рукам, - неохотно согласился сержант и еще раз потряс шар. - Здорово, правда?

- Стоят каждого пенса, - подтвердил Достабль, радостно потирая руки. - Будут улетать, как горячие пирожки.

Он принялся складывать шарики в коробку.

Выйдя из подвала, Достабль закрыл и тщательно запер дверь.

В темноте что-то упало. Плюх.

В Анк-Морпорке всегда существовала традиция радушно принимать существ всех рас, цветов и форм. Конечно, если у этих существ были деньги и обратный билет.

В знаменитом издании Гильдии Купцов и Торговцев, а именно «Дабро пожаловать в Анк-Морпорк, город тысячи сюрпризов», говорится, что вы как гость «палучите Радужный Прием в бесчисленных пастоялых дварах и гастиницах Древниго Города, многие ис каторых специализируются на гатовке пищи по рицептам из далекаго прошлаго. Буть вы Чиловек, Троль, Гном, Гоблин или ище кто, Анк-Морпорк с радастью паднимет свой праздничный кубок и васкликнит: «Ты – Наш Гость, Парень! А значит, ты угащаешь!».

Ветром Сдумс не знал, какие места особо популярны среди воскресших мертвецов и прочих умертвий. Единственное, что он знал наверняка: если эти существа способны посещать некие забегаловки с целью приятного времяпрепровождения, то в Анк-Морпорке такие заведения обязательно найдутся.

Пошатывающиеся ноги уносили его все глубже в Тени. Правда, теперь ноги шатались не по причине старческой немощности.

Более века Ветром Сдумс прожил за стенами Незримого Университета. С точки зрения оставшихся за спиной лет он прожил очень долго, но с точки зрения накопленного опыта ему только-только исполнилось тринадцать.

Он видел, слышал и обонял то, чего никогда не видел, не слышал и не обонял прежде.

Тени были самой древней частью города. Если бы возможно было создать рельефную карту греховности, порока и всеобщей аморальности, подобную карте гравитационных полей вокруг какой-нибудь черной дыры, то Тени стали бы там центральным объектом изображения, а остальной Анк-Морпорк расположился бы по краям. На самом деле Тени поразительно походили на упомянутое выше астрономическое явление: они обладали крайне мощной силой притяжения, не испускали света и действительно могли стать воротами в другой мир. В тот самый, что ждет нас после этого.

Тени были городом внутри города.

На улицах было многолюдно. Закутанные фигуры крались по своим таинственным делам. Из ведущих куда-то вниз лестничных проемов доносилась странная музыка. А также острые, волнующие запахи.

Сдумс брел мимо гоблинских кулинарий, мимо гномьих баров, в которых кто-то громко пел, а кто-то шумно дрался – эти два занятия гномы обычно совмещают. Ему постоянно встречались тролли, которые двигались сквозь толпу, как... как большие люди двигаются среди маленьких. Но здесь тролли были совсем другими.

Раньше Сдумс видел троллей только в более приличных районах города[6 - В Анк-Морпорке более или менее приличными районами считаются все, кроме Теней. Тени являются настолько неприличным кварталом, что все остальные по сравнению с ним выглядят образцами благочинности и приличия.]. Там тролли двигались с подчеркнутой осторожностью, чтобы случайно не забить кого-нибудь до смерти и не съесть. Но в Тенях они ничего не боялись и ходили с гордо поднятыми головами – макушка даже чуть выступала над плечами.

Ветром Сдумс передвигался по улицам подобно случайно прыгающему теннисному шару. Сунулся было в какой-то бар, но взрыв музыки вкупе с клубами дыма тут же отбросил его назад; заметил на едва заметной дверце заманчивую надпись, обещающую полный набор необычных и запретных наслаждений, и потянулся туда. Если говорить о наслаждениях, то за свою жизнь Ветром Сдумс не испытал даже тех, что были вполне обычны и везде разрешены. Он даже не вполне понимал, в чем эти наслаждения заключаются. Некоторые рисунки рядом с освещенной розовым светом, зазывно приоткрытой дверцей не сильно просветили его, скорее наоборот – добавили всепоглощающего желания узнать о наслаждениях побольше.

В радостном изумлении Сдумс глазел по сторонам.

Вот это место! И всего-то в десяти минутах ходьбы от Университета! Ну, или в пятнадцати, если ноги тебя плохо слушаются. А он даже не подозревал о существовании чего-то подобного! Все эти люди! Весь этот шум! О, вся эта жизнь!

Несколько раз Сдумса толкали самые разные типы самой разной наружности. Парочка даже попытались заговорить, но, быстро захлопнув рты, поспешили

отбыть восвояси.

«Ну и глаза... – думали они, унося ноги. – Настоящие буравчики!»

Но потом чей-то голос из полумрака окликнул:

– Эй, парень! Хочешь приятно провести время?

– О да! – возбужденно воскликнул Ветром Сдумс. – Да, да!

Он быстро обернулся.

– Вот черт! – И чьи-то торопливые шаги, удаляющиеся по переулку.

Лицо Сдумса вытянулось.

Да, очевидно, жизнь – это привилегия живых. Видимо, его возвращение в собственное тело было ошибкой. А он-то обрадовался... Старый дурак.

Сдумс повернулся и поспешил обратно в Университет. Сердце его уже не билось, Сдумс решил, что не стоит больше с ним возиться.

Сдумс неторопливо ковылял через площадь к Главному залу Университета. Аркканцлер должен знать, что делать...

– Вон он!

– Да, да, это он!

– Лови его!

Поток мыслей Сдумса прервался. Он оглядел пять красных, встревоженных лиц. Лица были ему знакомы.

– О, привет, декан, – грустно сказал он. – А это кто, главный философ? А, и аркканцлер здесь, очень кстати...

– За руку, за руку хватай!

– Только не смотри в глаза!

– Хватай другую руку!

– Слушай, Сдумс, это для твоей же пользы!

– Никакой это не Сдумс! Это создание Ночи!

– Я тебя уверяю...

– Ноги держите?

– Хватай его за ногу!

– А теперь за другую ногу!

– За все схватили? – взревел аркканцлер.

Волшебники кивнули.

Наверн Чудакулли запустил руки в обширные складки мантии.

– Ну, демон в человеческом облике, – прорычал он, – что ты скажешь об этом? Ага!

Сдумс покосился на маленький белый предмет, который аркканцлер с победоносным видом сунул ему под нос.

– Э-э... – несколько робко произнес он. – Я бы сказал... да... гм-м... да, запах весьма характерный, не правда ли, да... совершенно определенно. Чеснокус обыкновенус. Обычный домашний чеснок. Я угадал?

Волшебники изумленно уставились на него. Потом посмотрели на маленький белый зубок. Потом – снова на Сдумса.

– Ну что, я прав? – Он попытался улыбнуться.

– Э, – выразился аркканцлер. – Да. Ты абсолютно прав. – Он огляделся, подыскивая подходящие ситуации слова. – Молодец.

– Спасибо, что заботитесь обо мне, – кивнул Сдумс. – Я действительно признателен вам за это.

Он сделал шаг вперед. С равным успехом волшебники могли пытаться удержать ледник.

– Кажется, мне надо прилечь, – промолвил Сдумс. – День был такой утомительный.

Он вошел в здание и проковылял по коридору к своей комнате. Кто-то уже перенес сюда свои вещи, но Сдумс поступил с ними просто: сгреб все в охапку и выбросил за дверь.

А потом упал на кровать.

Сон? Он устал, но не это главное. Сон означает утрату контроля, а Сдумс еще не был уверен, что все его внутренние органы нормально функционируют.

Кроме того, если углубляться в суть вопроса, должен ли он вообще спать? В конце концов, он ведь умер. Смерть – это тот же сон, только более крепкий. Говорят, что, умирая, человек все равно что засыпает, но Сдумс должен быть крайне осторожным, иначе что-нибудь непременно загниет и отвалится.

Кстати, а что происходит, когда ты спишь? Видеть сны... кто-то что-то говорил насчет снов. Мол, таким образом человек приводит в порядок свои воспоминания. Но как именно это делается?

Сдумс уставился на потолок.

– Никогда не думал, что быть мертвым настолько утомительно, – громко сказал он.

Спустя какое-то время его внимание привлек едва слышный, но крайне настойчивый скрип. Сдумс повернул голову.

Над камином, прикрепленный к специальному кронштейну на стене, висел декоративный подсвечник. Сдумс так привык к нему, что последние пятьдесят лет даже не замечал его.

Но сейчас подсвечник отвинчивался. Медленно вращался, поскрипывая при каждом повороте. Сделав полдюжины оборотов, подсвечник с грохотом свалился на пол.

На Плоском мире необъяснимые явления не так уж и редки[7 - К примеру, в далекой, укромной деревушке Чесальщиков Сосен столь часто выпадают дожди из рыб, что там развились коптильное и консервное производства и даже научились делать филе из лосося. А в горных районах Сиррита овцы, которых оставляют на ночь на пастбище, утром всегда оказываются повернутыми в другую сторону.]. Просто обычно в них куда больше смысла. Или они более интересные.

Больше ничего не двигалось. Сдумс расслабился и вернулся к наведению порядка в своих воспоминаниях. Оказывается, он столько всего забыл...

В коридоре послышался чей-то шепоток, и через мгновение дверь распахнулась.

– За ноги хватайте! За ноги!

– Руки, руки держите!

Сдумс попытался сесть.

– Всем привет, – спокойно сказал он. – Ну и в чем дело?

Стоявший у него в ногах аркканцлер покопался в мешке, достал оттуда большой тяжелый предмет и высоко поднял его.

- Ага! - победоносно возопил он.

Сдумс посмотрел на предмет.

- Что ага? - уточнил он.

- Ага! - снова заорал аркканцлер, но уже менее убедительно.

- Узнаю, узнаю, - махнул рукой Сдумс. - Это символический двуручный топор. Предмет культа Слепого Ио.

Взгляд аркканцлера был лишен всякого смысла.

- Э-э, верно, - наконец сказал он и бросил топор через плечо, едва не лишив декана левого уха.

Потом он снова принялся копать в мешке.

- Ага!

- Гм-м... Достаточно неплохо сохранившийся экземпляр Таинственного Зуба Бога-Крокодила Оффлера, - сообщил Сдумс.

- Ага!

- А это... Сейчас, сейчас, погоди-ка... Ну да, набор священных Летящих Уток Ордора Хамовитого. Слушай, а мне начинает нравиться!

- Ага.

- А это, это... нет, нет, только не подсказывайте, не подсказывайте... священный многочлен знаменитого культа Сути!

- Ага?

– По-моему, это трехглавая рыба из очудноземской религии трехглавых рыб, – сказал Сдумс.

– Глупостями всякими занимаемся! – рявкнул аркканцлер, отбрасывая рыбу в сторону.

Волшебники приуныли. Религиозные святыни тоже подвели. Во всяком случае, на воскресших мертвецов они не действовали.

– Вы уж извините, что я причиняю вам такие неудобства... – попытался сгладить ситуацию Сдумс.

Лицо аркканцлера вдруг озарилось.

– Солнечный свет! – воскликнул он. – Вот верное средство!

– Отодвиньте штору!

– Берись за другую штору!

– Раз, два, три... рванули!

Сдумс заморгал от хлынувшего в комнату света.

Волшебники затаили дыхание.

– М-да, – сказал наконец Сдумс. – Это тоже не сработало.

Все опять приуныли.

– Ну хоть что-нибудь ты чувствуешь? – с надеждой спросил Чудакулли.

– Может, призрачное ощущение, что ты вот-вот обратишься в прах и тебя унесет ветром? – попытался подсказать главный философ.

– Если я слишком долго нахожусь на солнце, у меня облезает нос, – сообщил Сдумс. – Уж не знаю, поможет ли это. – Он выдавил робкую улыбку.

Волшебники переглянулись и пожали плечами.

– Так, все выметайтесь, – приказал аркканцлер.

Волшебники бросились прочь из комнаты.

Чудакулли последовал за ними. В дверях он остановился и погрозил Сдумсу пальцем:

– Попомни мои слова, Сдумс, не доведет тебя до добра это твое упрямство, ох не доведет...

И аркканцлер вышел, громко хлопнув дверью. Через несколько секунд четыре винта, крепившие дверную ручку, сами собой отвинтились, немного покружились под потолком и с тихим звоном упали на пол.

Сдумс немного поразмыслил над этим.

Воспоминания. Их было много. Сто тридцать лет воспоминаний. Когда Сдумс был жив, он не мог вспомнить и сотой части того, что знал, но теперь, когда он умер, все вдруг вернулось. Его мозг, не отягощенный ничем, кроме одной-единственной серебряной ниточки мыслей, разложил по полочкам все, что он когда-либо читал, видел или слышал. Все это было в его голове, все хранилось в памяти, на своем месте. Никто не забыт, ничто не забыто.

Три необъяснимых явления за один день. Четыре, если считать тот факт, что Сдумс вернулся в свое тело. Попробуй объясни происшедшее.

А объяснения необходимы.

Впрочем, это уже не его проблема. У него теперь нет никаких проблем, ведь проблемы – удел живых.

Волшебники столпились у двери в комнату Сдумса.

- Все приготовили? - спросил Чудакулли.

- Почему бы не поручить все это прислуге? - пробормотал главный философ. - Почему этим должны заниматься мы, старшие волшебники?

- Потому что я хочу сделать все правильно и с достоинством, - отрезал аркканцлер. - Если уж хоронить волшебника на перекрестке и вбивать в него кол, то это должны сделать сами волшебники. В конце концов, мы - его друзья.

- Кстати, а что это такое? - спросил декан, вертя в руках какой-то инструмент.

- Это называется лопатой, - ответил главный философ. - Я видел, как садовники ею пользуются. Острый конец следует воткнуть в землю, а дальше - дело техники.

Чудакулли заглянул в замочную скважину.

- Лежит. - Аркканцлер поднялся, отряхнул пыль с коленей и взялся за дверную ручку. - Итак, по моей команде. Раз... два...

За новым зданием факультета высокоэнергетической магии горел небольшой костер, и садовник Модо как раз вез туда обрезанные с кустов ветки, когда в небе на довольно большой скорости вдруг пронеслось с полдюжины старших волшебников. Между волшебниками болтался Ветром Сдумс.

Модо услышал, как Сдумс спросил:

- Аркканцлер, а ты уверен, что это сработает?

- Мы поступаем так в твоих же интересах.

- Не сомневаюсь, но...

- Скоро ты опять станешь старым, добрым Сдумсом, - пообещал казначей.

– В том-то все и дело, – прошипел декан. – Он уже однажды стал таким, и теперь у нас проблемы.

– В том-то все и дело, – послушно повторил казначей. – Старым, добрым Сдумсом ты больше не станешь.

Волшебники скрылись за углом.

Модо взялся за ручки тачки и задумчиво покатыл ее туда, где обычно сжигал всякий мусор. Туда же он обычно свозил компост, лиственный перегной, и там же стоял небольшой сарай, в котором Модо прятался от дождя.

Раньше Модо был помощником садовника во дворце патриция, но эта работа куда интересней. Здесь и с интересными людьми познакомишься, и жизнь увидишь.

Анк-Морпорк являет собой типичный пример уличного сообщества. На улицах этого города всегда происходит что-то интересное. В данный момент возница, управляющий повозкой с фруктами, держал декана за шиворот мантии в шести дюймах над землей и грозился выбить ему лицо через затылок.

– Вот смотри, сюда смотри! – орал кучер. – Что это? Правильно, персики. А тебе известно, что случается с персиками, если они долго лежат? Они могут помяться. И кое-чьи бока сейчас тоже могут помяться.

– Вообще-то, я волшебник, если ты не заметил, – отвечал декан, болтая ногами в остроносых туфлях. – И если бы не законы, которые говорят, что магию я могу использовать исключительно в целях самообороны, тебе бы грозили крупные неприятности.

– Кстати, а что вы там затеяли? – спросил возница, немного опуская декана, чтобы посмотреть, что происходит за его спиной.

– Вот именно, – кивнул мужчина, который тщетно пытался утихомирить лошадей, тащивших повозку с досками. – Что у вас там? Между прочим, оплата у меня почасовая.

– Эй вы, впереди, давайте двигайтесь!

Возница развернулся и громко заорал в сторону выстроившихся в длинную очередь повозок:

– А при чем тут я? Двигаюсь как могу. Это вы им скажите. Какие-то чокнутые волшебники разрыли здесь всю улицу!

Из ямы появилось заляпанное грязью лицо аркканцлера.

– Ради всего святого, декан, – взмолился он. – Я же просил тебя все урегулировать.

– Да, да, я как раз просил этого господина поехать другой дорогой, – прохрипел декан, чувствуя, что вот-вот задохнется.

Возница, сидевший на повозке с фруктами, развернул декана так, чтобы тот увидел забитые повозками улицы.

– Ты когда-нибудь пробовал сладить с полусотней повозок одновременно? – осведомился он. – Это не так просто. А в частности потому, что никто не может сдвинуться с места, поскольку вы, парни, что-то здесь творите, так что все повозки уперлись друг в друга и ни с места. Я понятно объяснил?

Декан попытался умиротворяюще кивнуть.

Он и сам уже стал сомневаться в мудрости решения выкопать яму на пересечении улицы Мелких Богов и Брод-авеню – двух самых оживленных улиц Анк-Морпорка. Раньше это казалось очень умным ходом. Даже самый упорный мертвый не сможет выбраться из-под настолько оживленного уличного движения. Проблема состояла в том, что никто не подумал, к каким последствиям может привести яма, выкопанная на пересечении двух главных улиц, да еще в самый час пик.

– Так, так, что здесь такое?

Толпа любопытствующих мигом расступилась, пропуская коренастую фигуру сержанта Колона. Сержанта Колона не могла остановить ни одна толпа на свете, перед его внушительным животом почтительно расступалось все живое. Широкое красное лицо стражника довольно расплылось, когда он увидел зарывшихся по пояс в землю волшебников.

- И кто это у нас здесь окопался?! - воскликнул он. - Банда международных похитителей перекрестков?

Сержант Колон был вне себя от радости. Его долгосрочная стратегия борьбы с преступностью наконец-то начала приносить плоды!

Аркканцлер высыпал лопату анк-морпоркского суглинка прямо на сержантские сапоги.

- Не валяй дурака! - рявкнул он. - Это крайне важно.

- Конечно. Все так говорят. - После того как мыслительный процесс набрал скорость, сержанта Колона было уже не остановить. Он уверенно следовал согласно выбранному маршруту. - Могу поспорить, в таких диких странах, как Клатч, хорошие деньги дают за столь престижный перекресток, как этот. Клиентов, наверное, хоть отбавляй, а?

У Чудакулли от удивления отвисла челюсть.

- Ты что несешь, офицер? - раздраженно рявкнул он и указал на свою остроконечную шляпу. - Ты не слышал меня? Мы - волшебники. И это дело касается только волшебников. Так что будь любезен, займись лучше регулировкой движения...

- ...На эти персики и глядеть-то нельзя, от одного взгляда мнутя... - произнес жалобный голос за спиной сержанта Колона.

- Мы уже полчаса торчим здесь из-за этих идиотов, - пожаловался погонщик скота, чьи бычки, заскучав, отправились погулять по соседним улицам. - Я хочу, чтобы их арестовали.

До сержанта вдруг дошло, что он по собственной глупости влез в самый центр очень крупной разборки. Толпа бушевала, да и волшебники были не в лучшем расположении духа. И сейчас внимание всех присутствующих сосредоточилось на сержанте Колоне.

- И что вы здесь делаете? - спросил он едва слышно.

- Хороним нашего коллегу, а ты что думал? - ответил Чудакулли.

Взгляд Колона скользнул на открытый гроб, стоявший у обочины. Ветром Сдумс помахал ему рукой.

- Но он... он ведь живой... - пробормотал сержант, наморщив лоб и пытаясь разобраться в ситуации.

- Внешность может быть обманчивой, - глубокомысленно заявил аркканцлер.

- Он только что помахал мне рукой, - в отчаянии попытался возразить сержант.

- Ну и что?

- Ну, это ненормально...

- Все в порядке, сержант, - вмешался в разговор Сдумс.

Сержант Колон приблизился к гробу.

- Это, случаем, не ты прыгал вчера в реку? - спросил он, едва шевеля губами.

- Да, и ты мне очень тогда пособил.

- А потом ты вроде как выбросился обратно, - вспомнил сержант.

- Боюсь, что так.

- Но ты ведь просидел под водой боги знают сколько времени.

- Понимаешь, было темно, и я не сразу нашел ступени.

Сержант Колон поразмыслил над ответом. Определенная логика в нем присутствовала.

- В таком случае, полагаю, ты действительно мертв. Только мертвый способен провести в Анке столько времени.

- Именно так, - согласился Сдумс.

- Только никак не возьму в толк, почему ты все еще машешь руками и разговариваешь...

Из ямы показалась голова главного философа.

- Понимаешь, сержант, - попытался объяснить он, - известны случаи, когда мертвые тела двигались и производили шум. Это все из-за произвольных сокращений мышц.

- Наш философ, несомненно, прав, - подтвердил Ветром Сдумс. - Я тоже где-то читал об этом.

- О. - Сержант Колон окинул взглядом толпу. - Ну ладно, - несколько неуверенно произнес он. - Тогда, полагаю... все в порядке.

- Вот и прекрасненько. Мы уже закончили, - кивнул аркканцлер, выбираясь из ямы. - На мой взгляд, достаточно глубоко. Ну что, Сдумс, пора собираться вниз.

- Я и в самом деле искренне тронут, - сказал Сдумс, устраиваясь в гробу.

Гроб, кстати, был весьма неплохой, из покойницкой на улице Вязов. Аркканцлер позволил мертвецу самому выбрать последнее пристанище.

Чудакулли взял в руку киянку.

Сдумс снова сел.

– Я причинил вам столько беспокойств...

– Это верно, – согласился Чудакулли, оглянувшись на волшебников. – У кого кол?

Все посмотрели на казначея.

Казначей выглядел совершенно несчастным.

Он порылся в мешке.

– Честно говоря, ни одного нормального кола я не нашел, – признался он наконец.

Аркканцлер прикрыл глаза ладонью.

– Хорошо, – тихо произнес он. – Знаешь, почему-то я не удивлен. Совсем не удивлен. И что ты притащил взамен?

– Я взял у садовника полено... – негромко ответил казначей.

– Это все от нервов, – поспешил заметить декан.

– Полено... – повторил аркканцлер. Его самообладанием можно было гнуть подковы. – Хорошо.

Казначей протянул ему кривую колобаху.

– Все в порядке, – попытался успокоить всех Сдумс.

– Сильно сомневаюсь, что смогу вбить это... Разве что дам им тебе по голове...

– Мне все равно, уверяю тебя, – заверил его Сдумс.

– Правда?

- Все дело в принципе, - указал Сдумс. - Если ты дашь мне поленом по голове, а сам будешь думать, что вбил в мою грудь кол, этого, вероятно, будет достаточно.

- Ты очень порядочный мертвец, - с уважением промолвил Чудакулли. - Не всякий способен похвастаться такой силой духа.

- Тем более что дух давным-давно мертв, - высказался главный философ.

Чудакулли свирепо взглянул на него и театральным жестом легонько стукнул Сдумса поленом.

- Прими же этот кол!

- Благодарю, - сказал Сдумс.

- А теперь давайте закроем его крышкой и пойдем обедать, - предложил Чудакулли. - Не волнуйся, Сдумс. Это должно сработать. Сегодня - последний день твоей жизни после смерти.

Сдумс лежал в темноте и слушал, как по крышке стучит молоток. Потом послышался глухой удар, и в адрес декана, который толком гроб удержать не может, понеслись приглушенные проклятия. Стук комков земли по крышке гроба становился все более тихим и отдаленным.

Спустя некоторое время еще более отдаленный грохот колес возвестил о том, что торговая жизнь города восстановилась. Сдумс даже различал приглушенные голоса.

Он постучал в крышку гроба.

- Эй! - крикнул он. - А потише нельзя? Здесь люди умереть пытаются.

Голоса смолкли, раздались торопливые удаляющиеся шаги.

Какое-то время Сдумс просто лежал. Неизвестно сколько, но долго. Потом Сдумс попытался остановить работу органов, но тут же ощутил некое неудобство.

Умереть никак не получалось. Неужели это так трудно? Похоже, все остальные справляются без всякой практики.

А потом у него зачесалась нога.

Сдумс попытался дотянуться до нее и почесать, но наткнулся пальцами на какой-то предмет неправильной формы.

Это оказалась коробка спичек.

Откуда в гробу спички? Быть может, кто-то решил, что ему захочется выкурить в тишине сигару, чтобы убить время?

С некоторым трудом ему удалось стащить один башмак и поднять его вверх, так чтобы можно было дотянуться рукой. Ага, а теперь чиркнем спичкой о подметку и...

Серный свет озарил его тесный, вытянутый мир.

К крышке был прикреплен крошечный листок картона. Что-то написано...

Он прочитал его. Потом прочитал еще раз.

Спичка погасла.

Он зажег вторую, чтобы убедиться, что все прочитанное – это не обман зрения.

Даже на третий раз сообщение не стало выглядеть менее странным:

Ты мертв? Подавлен?

Хочешь начать все заново?

Тогда почему бы тебе не посетить

КЛУБ «НАЧНИ ЗАНОВО»!

Улица Вязов, 668, каждый четверг, 24.00

ВАШЕ ТЕЛО, НАШЕ ДЕЛО!

Вторая спичка тоже погасла, вместе с ней испарился остававшийся кислород.

Сдумс остался лежать в темноте, размышляя над следующим шагом и постукивая пальцами по полену.

Интересно, чья это затея?

И внезапно окружающую темноту яркой вспышкой пронзила мысль: чужих проблем не бывает! Ведь когда ты решаешь, что весь мир отвернулся от тебя, именно тогда в полной мере проявляется его необычность. Сдумс из собственного опыта знал, что живые люди не замечают и половины того, что происходит вокруг, поскольку слишком заняты тем, чтобы быть живыми. А всю сцену видит только тот, кто смотрит со стороны.

Живые люди не видят ничего необычного и чудесного, поскольку их жизнь исполнена скучных, земных вещей.

Но необычное – оно существует! Существуют самоотвинчивающиеся винты и записки, подброшенные в гроб.

Сдумс твердо решил разобраться в происходящем. А потом... потом, если Смерть не придет к нему, он сам отправится к Смерти. В конце концов, есть же у него права. Да. Он возглавит величайшие за все времена поиски пропавшего человека.

Человека?

В темноте Сдумс усмехнулся.

Пропал – Смерть. Нашедшему... И так далее.

Сегодня – первый день его жизни после смерти.

И весь Анк-Морпорк лежит у его ног. Ну, метафорически. Дело за малым – выбраться наверх.

Он нащупал карточку, оторвал ее от крышки и зажал в зубах.

Ветром Сдумс пошире расставил ноги, уперся в дальний конец гроба, завел руки за голову и надавил.

Сырой суглинок Анк-Морпорка немного подался.

Сдумс сделал паузу, чтобы по привычке перевести дыхание, но понял, что в этом нет никакой необходимости. Он снова надавил. Дерево за головой хрустнуло.

Сдумс разорвал сосновую древесину, словно бумагу, и в руках у него остался кусок доски, который был бы совершенно бесполезен для обычного человека. Но не для зомби.

Перевернувшись на живот, разрывая землю импровизированной лопатой и отбрасывая ее назад, под ноги, Ветром Сдумс двигался к новой жизни после смерти.

Представьте себе равнину, периодически бугрящуюся невысокими холмами.

На октариновых лугах, что раскинулись под нависшими вершинами Овцепикских гор, стоит позднее лето, и преобладающие цвета – янтарный и золотистый. Солнце обжигает землю. Кузнечики трещат так, будто их поджаривают. Даже воздуху слишком жарко, чтобы двигаться. На памяти здешних обитателей это самое жаркое лето, которое когда-либо бывало, а память в здешних местах – долгая...

Представьте себе фигуру на лошади, уныло бредущей по пыльной дороге, что протянулась между полями пшеницы, обещающими дать небывало богатый урожай.

Представьте ограду из пропеченных солнцем мертвых досок. К ним прикреплена записка. Буквы на солнце выгорели, но надпись еще можно прочесть.

Представьте тень, упавшую на записку. Вы почти слышите, как фигура на лошади читает написанное там.

От дороги ответвляется тропинка, ведущая к небольшой группке обесцвеченных строений.

Представьте себе волочащиеся шаги.

Представьте открытую дверь.

Представьте прохладную, темную комнату, вы видите ее через открытую дверь. Для жилья эта комната не предназначена. Обитающие здесь люди большую часть времени проводят на улице, просто иногда они вынуждены входить в дом, чтобы переждать темное время суток. В этой комнате хранят конские сбруи, здесь держат собак и вывешивают на просушку рабочую одежду. У дверей стоит пивная бочка. Пол вымощен каменными плитами, в потолочные балки ввинчены крюки для бекона. Стоит вычищенный скребком стол, за которым могут разместиться тридцать голодных мужчин.

Но мужчин нет. И собак нет. И пива нет. Бекона тоже нет.

За стуком в дверь последовала тишина, потом раздалось шлепанье тапочек по каменным плитам. Наконец на пороге показалась тощая старушка, чье лицо цветом и текстурой напоминало грецкий орех.

- Да? - спросила она.

- ЗДЕСЬ ГОВОРИТСЯ, ЧТО ВАМ НУЖЕН РАБОТНИК.

- Правда? Эта записка висит еще с прошлой зимы.

- В САМОМ ДЕЛЕ? ЗНАЧИТ, РАБОТНИК ВАМ НЕ НУЖЕН?

Морщинистое лицо смерило его оценивающим взглядом.

- Предупреждаю, больше шести пенсов в неделю я платить не могу, - сказала лицо.

Несколько мгновений высокая фигура, заслоняющая солнечный свет, обдумывала это предложение.

- СОГЛАСЕН, - наконец ответил незнакомец.

- Даже не знаю, и с чего бы тебе начать. Вот уж как три года нет у меня постоянного помощника. Так, нанимаю ленивых бездельников из деревни, когда нужда припрет...

- НЕУЖЕЛИ?

- Значит, ты согласен?

- У МЕНЯ ЕСТЬ ЛОШАДЬ.

Старушка выглянула из-за незнакомца. Во дворе стоял самый величественный конь, которого она когда-либо видела. Старушка прищурилась.

- Эта лошадь твоя?

- ДА.

- И серебро на ее сбруе тоже?

- ДА.

- И ты согласен работать за шесть пенсов в неделю?

- ДА.

Старушка поджала губы. Она перевела взгляд с незнакомца на лошадь, потом – на обветшавшую ферму. И наконец приняла решение. Очевидно, посчитала, что тому, у кого лошадей и в помине нет, конокрада можно не бояться.

- Будешь спать в амбаре, понятно?

- СПАТЬ? ДА. КОНЕЧНО. ДА, МНЕ НУЖНО БУДЕТ СПАТЬ.

- В дом пустить не могу. Это будет выглядеть неприлично.

- УВЕРЯЮ, АМБАР МЕНЯ ВПОЛНЕ УСТРОИТ.

- Но есть можешь в доме.

- БЛАГОДАРЮ.

- Меня зовут госпожа Флитворт.

- ДА.

Старушка явно чего-то ждала.

- А у тебя есть имя? – подсказала она.

- РАЗУМЕЕТСЯ. У МЕНЯ ДОЛЖНО БЫТЬ ИМЯ.

Она снова выжидающе замолчала.

- Ну и? – наконец не выдержала старушка.

- ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

- И как же тебя зовут?

Незнакомец некоторое время смотрел на нее, а потом судорожно заозирался.

- Ну же, - подтолкнула его госпожа Флитворт. - Людей без имени на работу лучше не брать. Правильно, господин... Господин?..

Фигура посмотрела вверх:

- ГОСПОДИН НЕБО?

- Что же это за имя такое? Ни разу не слыхала, чтоб так кого звали.

- ТОГДА ГОСПОДИН... ДВЕР?

Старушка удовлетворенно кивнула:

- Вот это возможно. Пусть будет Двер. Когда-то я знавала одного парня, так его Дверником звали. Если есть Дверник, почему бы не быть Дверу? - Старушка улыбнулась. - Итак, господин Двер... Ну а имя у тебя какое? Только не говори, что его у тебя тоже нет. Ты можешь быть Биллом, Томом, Брюсом - все имена хороши.

- ДА.

- Что?

- ХОРОШИЕ ИМЕНА.

- Ну а твое какое?

- Э... ПЕРВОЕ.

- Так ты Билл?

- ДА?

Госпожа Флитворт закатила глаза:

- Ну хорошо, хорошо. Значит, так, Билл Небо...

- ДВЕР.

- Да, прости. Итак, Билл Двер...

- ЗОВИТЕ МЕНЯ ПРОСТО БИЛЛ.

- А ты можешь звать меня госпожой Флитворт. Ты обедать будешь?

- ОБЕДАТЬ? А. ВЕЧЕРНИЙ ПРИЕМ ПИЩИ. ДА.

- Судя по твоему виду, ты до смерти проголодался. Ну, еще не совсем до смерти, но Он уже рядом.

Она прищурившись посмотрела на незнакомца. Происходило что-то странное. Весь облик этого Билла Двера был каким-то... незапоминающимся. Да и голос тоже. Вот он, Билл Двер, стоит перед ней, и вроде он что-то там говорил – но как звучал его голос? А ведь он точно говорил...

- В здешней округе много таких, кто старается не вспоминать то имя, что было дано ему при рождении, – пояснила старушка. – Но лично я всегда говорю так: не суй свой нос в чужую жизнь, и тебе легче жить будет. Надеюсь, от работы ты не отлыниваешь, господин Билл Двер? Нужно еще вывезти сено с верхних лугов, а потом, глядишь, урожай поспеет. Отдыхать будет некогда. С косой управляться умеешь?

Билл Двер серьезно задумался.

- ЧТО-ЧТО, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ, – наконец промолвил он, – А ЭТО Я ТОЧНО УМЕЮ.

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль тоже считал, что совать нос в чужую жизнь не стоит. Особенно он не любил, когда лишние вопросы задавали лично ему, особенно если эти вопросы содержали фразы типа: «А товар, который вы продаете, точно ваш?»

Впрочем, сейчас никто не кричал, что он, мол, торгует тем, что ему не принадлежит, и такая ситуация вполне его устраивала. В то утро он продал более тысячи маленьких шаров и даже был вынужден нанять тролля – для обработки товара, сыплющегося из неведомого источника в подвале.

Шарики людям нравились.

Принцип действия игрушки был до смешного прост, им легко овладевал любой средний житель Анк-Морпорка. Несколько неудачных попыток не в счет.

Когда шарик встряхивали, в наполняющей его жидкости поднималось облако снежинок, которые потом медленно оседали на крошечные макеты всевозможных достопримечательностей Анк-Морпорка. В некоторых шарах такой достопримечательностью являлся Университет, в других – Башня Искусства, Бронзовый мост или дворец патриция. Мастерство исполнения было удивительным.

Но вскоре шарики закончились. «Какая досада», – подумал Достабль. Впрочем, жаловаться было не на что, поскольку с технической точки зрения шарики ему не принадлежали, а являлись его собственностью только морально. Конечно, жаловаться он мог, но только про себя, не имея в виду какого-то конкретного человека. А может, все к лучшему, если хорошенько поразмыслить... Складывай повыше, продавай подешевле – известный принцип. Сплавляй товар как можно быстрее, чтобы потом с видом оскорбленной невинности развести руками и спросить: «Кто? Я?»

Хотя шарики были красивыми. Даже странная корявая надпись их не особо портила. Буквы этой надписи выглядели так, словно их рисовал человек, который впервые в жизни увидел алфавит и попытался кое-что оттуда скопировать. На дне каждого шарика под замысловатым макетом покрытого снежинками здания было написано:

«ПА ДАРОК ИС АНК-МОРПОРКА».

Аркканцлер Незримого Университета Наверн Чудакулли слыл заядлым приправщиком[8 - Приправщик – человек, добавляющий соль и перец к любому блюду, которое бы ему ни подали, вне зависимости от того, сколько приправ это блюдо уже содержит, и вне зависимости от родного вкуса блюда. Психиатры-бихевиористы, которые трудятся на огромную сеть закусовых, разбросанных по всей вселенной, были первыми учеными, отметившими и выделившими так называемый «феномен приправщика». Быстро сориентировавшись в ситуации, они посоветовали своим хозяевам вообще не добавлять в блюда специи, чем сэкономили миллиарды разного рода местных валют. Документально подтвержденный факт.]. При каждом приеме пищи перед ним на стол ставили специальный судок. Данный прибор включал в себя: соль, три сорта перца, четыре сорта горчицы, четыре сорта уксуса, пятнадцать различных сортов чатни и его любимую приправу – соус Ухты-Ухты, представляющий собой смесь маринованных огурчиков, каперсов, горчицы, плодов манго, инжира, тертого койхрена, эссенции анчовусов, еловой смолы и, что особенно важно, серы и селитры для повышения крепости. Чудакулли унаследовал сей рецепт от своего дяди, который однажды вечером, обильно поужинав и запив все это пинтой соуса Ухты-Ухты, поел печенья из древесного угля, дабы немножко успокоить желудок, закурил трубку – и исчез при таинственных обстоятельствах. Правда, в начале следующего лета на крыше обнаружили его ботинки.

Сегодня на обед подавали холодную баранину, которая отлично шла под соус Ухты-Ухты (например, известно, что в день смерти старшего Чудакулли она прошла не менее трех миль).

Наверн повязал салфетку, потер ладони и потянулся к судку.

Судок скользнул прочь.

Аркканцлер попытался придвинуть его, но прибор отодвинулся еще дальше.

– Ладно, ребята, кончайте, – сказал он устало. – Вы же знаете правила: за столом никакого волшебства. Ну, кто здесь решил поиграть в придурков?

Другие старшие волшебники недоуменно уставились на Чудакулли.

– Я... я... я не думаю, что мы можем в них играть, – отозвался казначей, который в очередной раз опасно балансировал на самом краешке здравого рассудка. – По... по... по-моему, мы потеряли фишки...

Он огляделся по сторонам, глупо хихикнул и вернулся к своей баранине, которую до этого сосредоточенно пилил ложкой. В последнее время ножи от казначея предпочитали прятать.

Судок взмыл в воздух и принялся неторопливо вращаться. А потом взял и взорвался.

Залитые экзотическими соусами волшебники глупо тарасились друг на друга.

– Это все соус виноват, точно вам говорю, – выдвинул предположение декан. – Мне еще вчера показалось, какой-то он подозрительный. Видать, дозрел.

Что-то упало ему на голову, потом плюхнулось в тарелку. Это был черный железный винт длиной в несколько дюймов.

Второй винт вызвал легкое сотрясение мозга у казначея.

Не успело пройти и пары секунд, как третий винт воткнулся в стол рядом с рукой аркканцлера.

Волшебники задрали головы.

По вечерам Главный зал освещался одной огромной люстрой, хотя это определение, часто вызывающее ассоциации с мерцающим хрусталем, вряд ли подходило к громоздкой, черной, залитой воском хреновине, зависшей над головами угрожающим превышением кредита в банке. Люстра была рассчитана на тысячу свечей и располагалась строго над столом старших волшебников.

Еще один винт со звоном упал на пол возле камина.

Аркканцлер откашлялся.

– Бежим? – предложил он.

Люстра рухнула.

Куски стола и осколки посуды брызнули во все стороны. Опасные для жизни куски воска размером с человеческую голову со свистом вылетели в окна. Одна свечка, покинувшая люстру с аномально высокой скоростью, воткнулась в пол, уйдя в каменные плиты на несколько дюймов.

Аркканцлер выбрался из-под обломков кресла.

– Казначей! – завопил он.

Из камина извлекли казначея.

– Слушаю, аркканцлер, – дрожащим голосом произнес тот.

– Что это значит?

Шляпа Чудакулли висела в воздухе.

Это была обычная остроконечная шляпа волшебника, правда, приспособленная к стилю жизни аркканцлера. В ее мятые поля были воткнуты рыболовные блесны. За ленту был засунут миниатюрный арбалет – на тот случай, если аркканцлеру вдруг захочется пострелять во время пробежки. А еще Наверн Чудакулли опытным путем определил, что острый конец его шляпы по размерам своим точь-в-точь соответствует небольшой бутылочке Крайне Старого и Весьма Своеобразного Бренди Бентинка. Одним словом, аркканцлер был очень привязан к своей шляпе.

Зато она больше не была привязана к своему хозяину.

Шляпа неторопливо летала по комнате и издавала тихое, но отчетливое бульканье.

Аркканцлер вскочил на ноги.

– Вот сволочь! – завопил он. – Это пойло стоит девять долларов за бутылку!

Он подпрыгнул, пытаясь схватить шляпу, промахнулся, повторил попытку – и завис в воздухе в нескольких футах над полом.

Казначей неуверенно поднял дрожащую руку.

– Что-то тараканы совсем обнаглели, – сказал он.

– Или меня поставят на пол, – зловеще произнес Чудакулли, – или я очень, очень разозлюсь!

Он рухнул на каменные плиты как раз в тот момент, когда распахнулись огромные двери. В зал влетел один из университетских привратников. За привратником ввалился отряд дворцовой стражи патриция.

Командир отряда смерил аркканцлера взглядом, который ясно показывал, что для него, человека военного, «гражданский» значит примерно то же, что и «насекомое определенного рода».

– Ты здесь главный? – спросил он.

Аркканцлер привел в порядок мантию и попытался пригладить бороду:

– Да, я – аркканцлер этого Университета.

Командир с любопытством оглядел зал. В дальнем конце сбились в кучу студенты. Стены вплоть до самого потолка были заляпаны всевозможными яствами. Обломки мебели валялись вокруг упавшей люстры, словно деревья в эпицентре падения метеорита.

А потом он заговорил – с явным неудовольствием человека, который был вынужден прервать свое образование в возрасте девяти лет, но который слышал много интересных историй:

– Позволили себе немного пошалить? Побросаться хлебными корками, да?

– Могу я узнать причину этого вторжения? – холодно поинтересовался Чудакулли.

Командир стражи оперся на копье.

– Дело в том, – сказал он, – что патриций забаррикадировался в своей спальне. Принадлежащая ему мебель носится про всему принадлежащему патрицию дворцу, а повара наотрез отказываются заходить в кухню из-за абсолютно взбесившейся посуды.

Волшебники всячески старались не смотреть на наконечник копья, который потихоньку начал отвинчиваться от древка.

– Тем не менее, – продолжал командир, не замечая тихих металлических звуков, – патриций мужественно призвал меня через замочную скважину и сказал: «Дуглас, а почему бы тебе не сбежать в Университет и не попросить самого главного там зайти ко мне, если он, конечно, не занят?» Впрочем, я могу вернуться и доложить, что вы тут решили немного пошалить, а потому отвлекаться не можете и...

Наконечник почти отвинтился.

– Эй, вы меня вообще слушаете? – с подозрением спросил командир.

– Гм-м, что? – Аркканцлер с трудом оторвал взгляд от вращающегося куска металла. – О, мой друг, уверю тебя, никакого отношения к тому, что происходит, мы не...

– Аргх!

– Прошу прощения?

– Мне на ногу упал наконечник!

– Правда? – невинно переспросил Чудакулли.

– Слушайте, вы, фокусники придурочные, вы идете или нет? – завопил командир, прыгая на одной ноге. – Мой босс недоволен. Очень, очень недоволен.

Огромное бесформенное облако Жизни надвигалось на Плоский мир – так вода угрожающе накатывает на плотину с закрытыми шлюзами. После того как Смерть перестал забирать жизненную силу, ей было некуда больше податься.

То тут, то там Жизнь проявлялась странными явлениями полтергейста, подобными вспышкам молнии перед страшной грозой.

Все существующее жаждет жизни. Жизненный цикл – это двигатель, который приводит в движение великие насосы эволюции. Все стремятся забраться на это дерево как можно выше, цепляются когтями, хватаются щупальцами, ползут от ветки до ветки, пока не достигнут самой макушки. Что, в принципе, не стоит таких усилий.

Все существующее жаждет жить. Даже то, что нельзя назвать живым, – оно тоже жаждет. Существа, которым присуще нечто вроде поджизни, метафорической жизни или почти-жизни. И сейчас внезапное потепление пробудило к жизни неестественные и экзотические цветы...

Маленькие шарики, которыми торговал Достабль, – все-таки в них что-то было. Возьмешь их, потрясешь и любишь, как кружатся крошечные сверкающие снежинки. А потом ты приносишь их домой, кладешь на каминную полку...

И начисто забываешь о них.

Отношения между Университетом и патрицием – абсолютным правителем Анк-Морпорка и во многом великодушным диктатором – были сложными и таинственными.

Волшебники считали, что, будучи служителями высшей истины, они не должны подчиняться светским законам города.

А патриций говорил, что так-то оно так, но они, черт побери, должны платить налоги, как и все прочие городские жители.

Тогда волшебники намекали, что, как последователи света мудрости, они совсем не обязаны хранить верность смертному человеку.

А патриций заявлял, что это тоже правильно, но они обязаны платить городской налог двести долларов с головы в год, причем платить его ежеквартально.

В ответ волшебники указывали, что Университет стоит на волшебной земле и, соответственно, обложению налогами не подлежит, а кроме того, невозможно обложить налогами знания.

Но патриций утверждал, что это очень даже возможно. И налог составляет двести долларов с головы. Ну а если проблема в голове, ее можно легко устранить простым усекновением.

Волшебники говорили, что во всем цивилизованном мире с волшебников не берут налогов.

Патриций же уверял, что цивилизованность – это понятие относительное и даже самого цивилизованного человека можно разозлить.

Волшебники напоминали, что они все-таки волшебники, а потому им положены льготы.

Патриций отвечал, что, если бы не эти самые льготы, он бы с ними не разговаривал. Просто потому, что они бы уже не могли говорить.

Волшебники вспоминали, что когда-то давным-давно, кажется, в век Стрекозы, был такой правитель, который пытался диктовать Университету, как нужно себя вести. Патриций может прийти и посмотреть на него, если хочет.

Патриций сказал, что так и поступит. Рано или поздно он заглянет полюбоваться на диковинку. Причем его солдатам тоже будет интересно посмотреть.

В конце концов стороны пришли к соглашению, что волшебники, конечно, не должны платить налоги, но будут тем не менее делать пожертвования в городскую казну в размере, скажем, двести долларов с головы – все на сугубо добровольной основе, без обид, ты – мне, я – тебе, деньги будут использованы исключительно в мирных и экологически приемлемых целях.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В данном случае таких мест было целых три. Ворота домов номер 31, номер 7 и номер 34, что по улице Вязов в Анк-Морпорке.

2

Нож для резки бумаг – единственный инструмент, которым они могут внести свое имя в историю судебной медицины. Тем не менее подобные случаи известны.

3

Как и во многих других учебных заведениях, в Незримом Университете существует человек, преподающий студентам основы философии. Только в данном случае речь идет о магических аспектах данных наук. И естественно, в Университете, как и в большинстве других подобных школ, такого человека тоже называют главным философом.

4

То, что воскресший мертвец не может пересечь проточную воду, абсолютно верно. Тем не менее мутную от природы реку Анк, вобравшую в себя грязь со всех равнин и прошедшую сквозь огромный город (численность населения – 1 000 000 чел.), вряд ли можно считать «проточной». Не говоря уж о том, что «река Анк» и «вода» – две абсолютно разные вещи.

5

Несмотря на свою недостаточную распространенность, антипреступления на Плоском мире тем не менее встречаются и обусловлены фундаментальным законом, гласящим: в множественной вселенной всему есть своя противоположность. Естественно, антипреступления весьма и весьма редки, однако они все же случаются. Простая передача кому-либо чего-либо не считается противоположностью ограбления, но подобная передача является антипреступлением в том случае, если она сопровождается оскорблением и/или унижением потерпевшего. Таким образом, существуют следующие известные виды антипреступлений: взлом с последующим украшением квартиры, оскорбительное дарение (к примеру, вручение памятного подарка в связи с уходом на пенсию) и антишантаж (например, угрозы раскрыть врагам то, что данный известный злодей и гангстер некогда пожертвовал довольно внушительную сумму на благотворительность). Однако еще раз отметим, что должного распространения антипреступления не получили.

6

В Анк-Морпорке более или менее приличными районами считаются все, кроме Теней. Тени являются настолько неприличным кварталом, что все остальные по сравнению с ним выглядят образцами благочинности и приличия.

7

К примеру, в далекой, укромной деревушке Чесальщиков Сосен столь часто выпадают дожди из рыб, что там развились коптильное и консервное производства и даже научились делать филе из лосося. А в горных районах Сиррита овцы, которых оставляют на ночь на пастбище, утром всегда оказываются повернутыми в другую сторону.

8

Приправщик – человек, добавляющий соль и перец к любому блюду, которое бы ему ни подали, вне зависимости от того, сколько приправ это блюдо уже содержит, и вне зависимости от родного вкуса блюда. Психиатры-бихевиористы, которые трудятся на огромную сеть закусочных, разбросанных по всей вселенной, были первыми учеными, отметившими и выделившими так называемый «феномен приправщика». Быстро сориентировавшись в ситуации, они посоветовали своим хозяевам вообще не добавлять в блюда специи, чем сэкономили миллиарды разного рода местных валют. Документально подтвержденный факт.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/terri-pratchett/mrachnyy-zhnec-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)